

Сайд ЯНЫШЕВ

АмерикаNO

Повесть и рассказы

Ташкент
2025

Саид ЯНЫШЕВ
АмерикаNO
Повесть и рассказы

© Саид Янышев, 2025
© Владимир Скрипник,
художественное оформление, 2025

Moей маме

Америка№ 5

Рассказы

Встреча 56

Кинозарисовки

Ар Мегиддо.....59

Овца.....62

Предтеча.....64

Марьям.....66

Edakrysen.....70

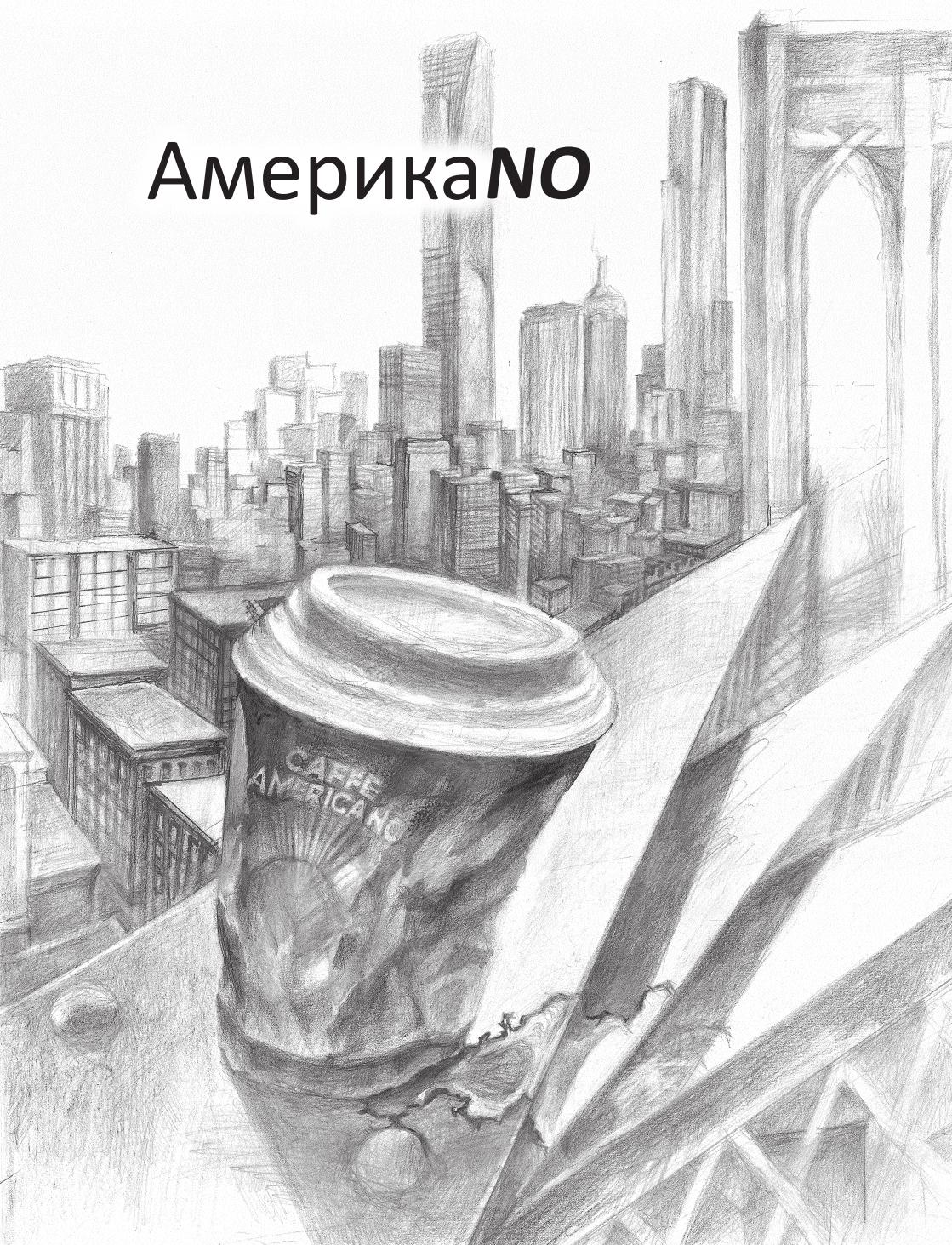
Ко-то третий 73

Рассказ 77

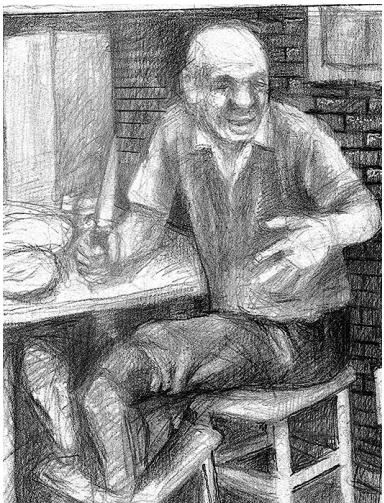
Счастье 80

Чудо 84

АмерикаNO

I

- Ба, Рая, я и не знала, что у тебя такие кривые ноги! – восклицает полная пожилая дама, обращаясь к своей стройной, тоже немолодой невестке, облаченной в мини-юбку. Та, недолго думая, парирует:

- Ой, мама, я вас умоляю! Слегка кривые ноги – это секс. А у меня – ту маch секс.

Этот разговор я случайно подслушал в банкетном зале ресторана «Чинар», где работал басбоем, то есть помощником официанта. Там с удивлением узнал, что, если в Узбекистане восточный платан – женского рода и называется чинара, то в Азербайджане – мужского: хозяевами ресторана были бакинские евреи Юсиф и Фазиль. За все время моего пребывания в Нью-Йорке мне довелось по одной-паре смен прослужить в нескольких кафе и ресторанах Бруклина: «Татьяна», «Одесса», «Император» и даже «Узбекистан». Но в «Чинаре» задержался более всего – на срок не менее полугода.

В Нью-Йорк я приехал по туристической визе за полгода до кончины изрядно потрепавшегося двадцатого века. Моя мама перед прилетом сына через своих «русских» знакомых нашла для меня неподалеку от своего жилья в Бруклине квартиру, а точнее койко-место. И вроде бы недорого – пятьдесят пять долларов в неделю. Сама она, в прошлом инженер-акустик с дипломом МГУ, к тому времени уже девять месяцев работала хоматтендантом – сиделкой у немощной бабульки, в доме которой и проживала. До возвращения мамы на родину оставалось еще некоторое время, и в ее выходные мы иногда встречались и гуляли по городу, либо купались в океане на Брайтон-бич.

Итак, я поселился в «общаге», каких здесь находилось множество – мужских и женских. Это были квартиры, чаще всего, арендуемые такими же «русскими», как и я, но уже имевшими местное гражданство или грин-карту. Чаще всего занимая одну из комнат, остальные они сдавали приехавшим по туристической визе жителям стран бывшего СССР. Понятное дело, что все эти «гости» наведывались в США с целью нелегального заработка, либо в надежде каким-нибудь образом здесь остаться.

Моя хозяйка Лариса, в прошлом москвичка, выиграла грин-карту лет за десять до моего визита. В снимаемой ею квартире имелись три комнаты, в двух из которых, наряду со мной, проживали такие же мужчины-гастррабайтеры – всего семь человек. За что я наше пристанище прозвал «домом Белоснежки и семи гномов».

Лариса – уже немолодая миниатюрная женщина, довольно небожная – каждое воскресенье ездила на Манхэттен, как она говорила, в церковь. Но, судя по тем брошюрам религиозного содержания, которые она время от времени пыталась мне всучить, вероятно, посещала некое заведение сектантского толка. Женщина эта обладала на редкость тонкими слухом и обонянием, поэтому всегда знала, что происходит в ее квартире, кто что ест и пьет, и о чем говорит. И если между жильцами назревали конфликтные ситуации, которые в силу нашего экстремального образа жизни время от времени случались, тут же беззвучно выпархивала из своей комнаты и мягко, но решительно их пресекала.

В нашей «общаге», пока я в ней обитал, жили люди самых разных возрастов и профессий. При этом многие из них имели высшее образование. Однако в Нью-Йорке почти всем им пришлось овладеть новыми навыками. Так, например, Юргис, приехавший из Литвы, где незадолго до отъезда окончил университет, устроился подмастерьем на ювелирную фабрику. Москвич Виктор, искусствовед, ранее занимавшийся бизнесом (торговлей) в сфере живописи, стал маляром. Я, в прошлом актер театра и кино, нашел себя на поприще басбоя.

В моей комнате стояло четыре кровати, одну из них занимал мужчина средних лет Виталик – родом из Кемерово. Кем он работал у себя дома и в Нью-Йорке, мне узнать так и не удалось –

ввиду его неразговорчивости. С ним мы виделись по вечерам на кухне, где он обычно жарил себе сосиски, а я куриные окорочки, которые заливал яйцом. И это на тот момент весьма частое блюдо прозвал – «дочки-матери».

Однажды между нами произошел конфликт. Этот худощавый, угрюмый, бритый налысо сосед, закончив ужин, откинулся на спинку стула и водрузил ноги в несвежих носках на соседний табурет. Эти носки с внушительными пробоинами не заметить было невозможно. Виталик, перехватив мой невольный вопросительный взгляд в сторону его ступней, с явной угрозой в голосе медленно и тихо произнес:

- Что, не нравится? С какой целью интересуешься?

- Ну, извини, если чем обидел, - примирительно ответил я. В ответ он быстрым движением смахнул со стола в ладонь огромный кухонный нож, затем еще тише, почти шепотом:

- Ну, смотри, только не засмотрись.

В ту же секунду на пороге хозяйкиной комнаты, дверь которой выходила в кухню, появилась маленькая голова Ларисы. Еще через мгновение женщина оказалась ровно посередине между мной и Виталиком и прокудхала в его сторону:

- Ну, чего ты нахохлился? Если устал, иди отдохни.

После этих слов он молча встал и, усмехнувшись, отправился в нашу с ним комнату. Когда дверь за ним закрылась, хозяйка тихо, чтобы никто не услышал, обратилась ко мне:

- Не связывайся с ним. Ты что, не знаешь, что он бывший зек? И не просто зек, а ту мач (одно из наиболее часто употребляемых мною выражений, в переводе с английского «too much» означающее «слишком много, чересчур»).

- Нет, - ошарашенно ответил я. – А что же вы тогда его пустили жить?

- Сама не знаю. Бес попутал, должно быть.

Однажды в нашей квартире появился Валера, приехавший из казахстанского городка Шымкент, что всего в ста километрах от Ташкента. С моим почти земляком, в недалеком прошлом – младшим научным сотрудником какого-то НИИ, мы быстро нашли общий язык. Этот накачанный красавец лет двадцати пяти по-

сле нашего знакомства стал высматривать, кем и где тут можно устроиться на работу.

Я рассказал все, что знал. И тут вспомнил, что буквально пару дней назад прочитал в русской газете «Вечерний Нью-Йорк» объявление о том, что в некую компанию для съемок в порнофильмах требуются молодые парни спортивного телосложения. Быстро отыскал тот выпуск «Вечерки» и показал новому соседу.

- Ну, а что, по-моему, ты им как раз подходишь, - предположил я. – Молодой, красивый, мускулистый. К тому же, заметь, совместишь полезное с приятным: и в бабах недостатка не будет, и денег заколотишь наверняка в разы больше, чем я.

Видно было, что Валера загорелся. Он начал внимательно изучать объявление, а потом заявил, что именно о такой работе мечтал всю жизнь. И завтра утром обязательно позвонит по указанному в газете номеру телефона. На следующий день с большим сожалением рассказал, что пока не дозвонился, поэтому временно нашел себе работу где-то на стройке. Более мы с ним эту тему не поднимали.

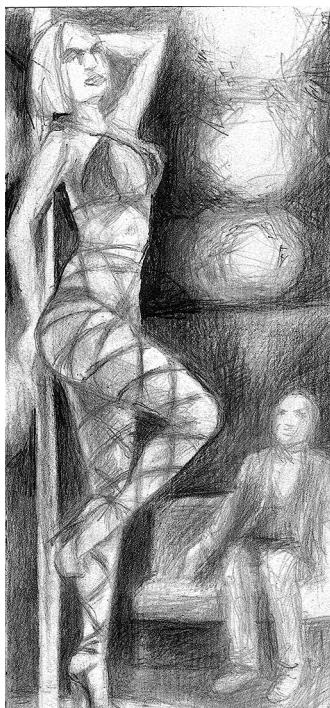
На тот момент нас, жильцов, у Ларисы было всего трое: я, Виталик и Валера. Такое иногда случалось, что некоторые койки пустовали. Как-то даже была одна неделя, когда я был единственным «гостем» в квартире. Оно и понятно: кто-то, найдя выгодную работу в другом штате, переезжал туда, некоторые, слегка разбогатев и объединившись по двое-трое, снимали отдельное жилье. При этом случаев, чтобы кто-нибудь из знакомых, скопив достаточно денег, вернулся домой, на моей памяти было немного. Даже те, кто планировал это сделать через полгода или год, как правило, оставались здесь навсегда. Но об этом – позже.

Как-то я вернулся из «Чинара» в «общагу» уже под утро. Последние клиенты все никак не расходились, потом басбои убирали банкетный зал и накрывали столы к следующему дню. Мы не заметили, как стало светать. Назавтра, в понедельник, у меня был выходной, поэтому по дороге домой я с полным правом прикупил в круглосуточном продуктовом магазине литровую бутыль крепкого пива. Войдя в квартиру, тут же направился на кухню, где в двадцать минут это пойло уговорил и не заметил, как там же, сидя

на стуле, уснул. Так уже бывало не раз, особенно после пятнадцатичасовой смены в ресторане. В таких случаях хозяйка, которая, по ощущениям, вообще никогда не спала, незамедлительно возникала на кухне, мягко меня будила и провожала в мою комнату.

Вот и на этот раз я, почувствовав ее легкое прикосновение к моей руке, тут же проснулся и, пообещав Ларисе, что дойду и сам, пошатываясь, направился к себе. С порога спальни разглядел Виталика, сидящего на краю кровати Валеры и поглаживающего его рельефную задницу. В первых лучах солнца, робко пробирающихся в комнату сквозь грязное стекло окна, на его безупречном лице, повернутом в сторону двери, блестели слезы. И еле заметно подрагивали могучие плечи...

II

Празднование тридцатилетия моего коллеги – басбоя Андрея было в самом разгаре. В Нью-Йорке он жил уже больше года. Сюда приехал из Ростова, где работал актером в местном драмтеатре. Имея на родине ждавшую его с заработков семью, Андрей и на чужбине не растерялся – встречался с некоей особой, тоже из России. И домой, по всей видимости, уже не спешил.

Днюху отмечали в родном ресторане «Чинар», где юбиляру хозяева сделали приличную скидку. День стоял будний, и, кроме нас, в зале за столиками располагалось не более десятка посетителей. Всего было приглашено человек восемь – официантов и таких же басбоев, и я почему-то оказался в числе приглашенных. Возможно, по-

тому что являлся коллегой Андрея не только по нынешнему месту работы, но и прежнему – театральному.

Уже почти все из заказанного было съедено и выпито. Музыкант, работавший в нашем ресторане по будням, старший меня вдвое Василий отыграл весь свой традиционный репертуар. И даже бесплатно спел по просьбе Жени, друга и земляка виновника банкета, «Левый берег Дона» Шуфутинского – Андрей даже прослезился. И тут кто-то из коллег предложил – поехать толпою в стрип-бар. Почти все, не раздумывая, согласились. Только Рома, сильно перебравший, отказался.

Выходец из Риги Рома появился в «Чинаре» через месяц после меня. Высокий и толстый мой сверстник, он, несмотря на комплекцию, был достаточно проворен в качестве басбоя. В ресторане мы работали с пятницы по воскресенье – в самые напряженные банкетные дни. А по понедельникам, в выходные, по-приятельски частенько вместе ездили на прогулки в Манхэттен. Помню, любимой шуткой этого бугая было ударить меня в живот со словами: «Удар в печень заменяет бутылку пива».

В отличие от меня, приехавшего в США с целью заработать на квартиру в Ташкенте и через год вернуться домой, Рома вместе с женой прибыл сюда в надежде каким-либо способом зацепиться здесь и остаться. На мой вопрос о супруге он однажды рассказал, что его Ирма, весьма эффектная молодая женщина, устроилась работать в стрип-бар.

- Как же ты это допустил, или тебя ее выбор устраивает? - спросил я его.

- Ну а что тут такого – работа как работа, вполне неплохая, к тому же весьма прибыльная, - нисколько не смущившись, ответил он.

- И ты ее не ревнуешь?

- К кому? Она же там просто танцует. Ну а если даже кто-то и смотрит на нее похотливо, это не ее проблема.

Лично я никогда не понимал кинорежиссеров, снимающих в главных ролях своих красивых жен. Ладно, постельные сцены – в

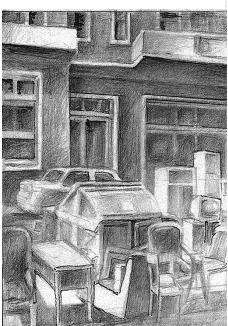
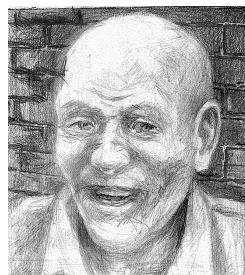
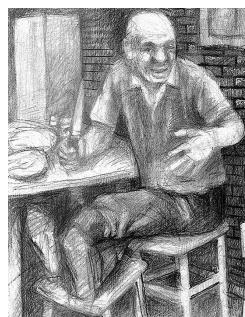
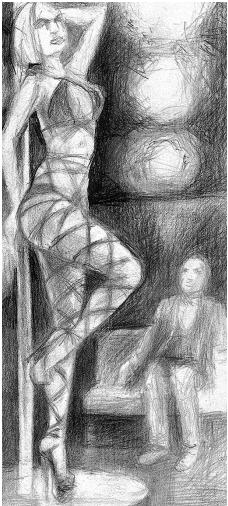
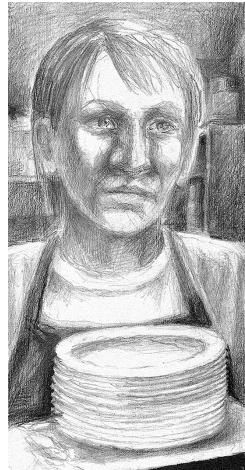
них же все понарошку, ну а как быть с эпизодами, где они от души целуются с не менее красивыми главными героями? Такого я бы не простил. Поэтому ни в такие фильмы, ни на работу стриптизершей я бы никогда свою жену не отпустил. Но, конечно, мужчины бывают разные, и, как выяснилось, для Ромы это было в порядке вещей. К тому же удобно: графики работы у него с Ирмой приблизительно совпадали – оба возвращались домой далеко за полночь, а иногда даже под утро.

...И вот после окончания днюхи Андрея глубокой ночью мы, пьяные и веселые, на двух машинах ехали в стрип-бар, находившийся недалеко от ресторана. Это ночное заведение, как выяснилось уже на месте, «русское». То есть, как его хозяин, так и девушки-стриптизерши, и почти все посетители приехали из стран бывшего СССР.

В получьме мы расселись за длинным столом и заказали выпивку. Гремела современная западная музыка, на полуголых женских телах, поочередно сменявших друг друга у шеста на сцене, отпечатывались цветные огни прожекторов. Но большая часть стриптизерш гуляли по залу, танцевали перед клиентами, а к некоторым, проявлявшим к ним повышенный интерес, присаживались на колени. О чем-то разговаривать в этом грохоте было почти невозможно. Да и девушки в этом не нуждались, ведь главное для них – периодически засовывать им в трусики и лифчики мелкие купюры.

Жестом пригласил к себе на колени подмигнувшую мне высокую брюнетку. Она немедленно присела, обняла меня за шею, и я тут же почувствовал исходящий из ее маленькой груди едва уловимый аромат дорогих духов. Помню, именно с таким запахом были духи «Ланком», привезенные мною когда-то из заграничной поездки в подарок любимой жене. На мгновение мне, достаточно нетрезвому, даже показалось, что это она находилась рядом со мной.

Я сунул в лифчик девушки десятидолларовую купюру. Она в благодарность тут же наклонилась ко мне и что-то прошептала на ухо. Но легкое прикосновение ее губ, скорее, походило на поцелуй. Во всяком случае, мне на тот момент хотелось думать именно так.

Тут краем глаза я заметил Андрея, выходящего со «своей» девушкой из-за ширмы в ближайшем ко мне углу зала. «А что там?» - на ухо спросил мою гостью, показывая в ту сторону. Она немедленно поднялась, взяла меня за руку и потянула – именно туда. Через несколько секунд мы вдвоем оказались в небольшой комнатке, в которой из всей мебели стоял лишь диван. Как я узнал позже, это был прайвет-рум, где позволялось не все, но гораздо большее, чем в общем зале.

Мы присели на диван, она прижалась ко мне, и я понял, что теперь мне разрешено то, что ранее было не позволительно. Молча начал ее целовать – губы, шею, грудь, гладить по спине и затем ниже пояса. Девушка была податлива, как перезревший апельсин. Взаимностью не отвечала, но и не противилась. Я вспомнил про деньги, которые она, видимо, ждала, достал из кармана джинсов первую попавшуюся купюру и вложил ей в руку. Затем, наконец, спросил, как ее зовут. Она – тихо и с легкой улыбкой:

- Ирма.
- Откуда ты?
- Из Риги...

Это откровение меня потрясло, должно быть, как Ньютона – в тот момент, когда ему на голову упало яблоко. «Из Риги...Как же так?» Я отстранился от девушки, встал, повернулся к двери и, не оглядываясь, молча на ватных ногах поплелся к выходу. Музыка продолжала греметь, но кресла у нашего стола стояли пустые, лишь официант неспешно загружал с него на поднос посуду. «А ваши друзья уже ушли», - сочувственно сообщил он.

Я пешком брел домой по предутреннему Бруклину и все повторял про себя, а может быть, уже вслух: «Эх, Рома, Рома... Как же так?.. Как же так?..»

III

В этой мужской «общаге» я побывал лишь однажды, но впечатлений мне хватило надолго. Находилась она так же в Бруклине, примерно, в сорока минутах ходьбы от моей «обители». И жил в ней мой единственный в США друг – 62-летний харьковчанин

Володя Саливон, у себя на родине пенсионер и начинающий прозаик. А здесь, как и я, и многие живущие в Нью-Йорке мигранты, мастер на все руки, готовый выполнять любую работу. Мы познакомились с ним через пару недель после моего (и его) приезда в летнем загородном лагере для детей евреев-ортодоксов. О том, чем мы там занимались, – в следующей главе, а сейчас – рассказ о володиной квартире.

Поначалу я хотел поселить его в моей «общаге», но хозяйка Лариса почему-то категорически этому воспротивилась. Хотя на тот момент свободные места в ее квартире были. Я пытался выяснить причину, но она, как иногда случалось, отказалась ее назвать. Могу лишь догадываться, что «ее бог» во время молитвы Ларисе так нашептал.

В отличие от моей квартиры, где находилось всего семь коек для гостей, у Володи могло вместиться до двадцати человек одновременно. Спали они на двухъярусных кроватях, и места никогда не пустовали. Возможно, это было вызвано относительной дешевизной проживания – по пятьдесят долларов с человека в неделю. Я же, как уже писал, Ларисе платил пятьдесят пять долларов. То есть, переплачивал пятерку за комфорт, и это меня вполне устраивало.

И вот в один из вечеров я напросился к Володе в гости. Он не возражал, поскольку мой визит в случае расспросов легко объяснялся бы моим потенциальным желанием – в будущем туда вселиться. Помимо двух спален, в квартире была еще кухонька, ванная комната и общая гостиная. Хозяин, также, как и все мы,

«русский», то есть выходец из бывшего СССР, жил в своем доме неподалеку. В «общаге» он появлялся не часто.

Каждый день почти все обитатели квартиры уходили на работу – кто куда, а к вечеру возвращались домой. Я написал – почти все, поскольку, по меньшей мере, один из жильцов ходил на работу, то есть, на «биржу», не чаще двух-трех раз в неделю. О ней я расскажу позже, поскольку она стоит отдельного повествования. Так вот, мужичок этот лет пятидесяти, назовем его условно Алексеем, проживал в США по грин-карте. В свои рабочие дни зарабатывал он всего долларов сто, которых ему вполне хватало на оплату койки, питание и дешевое бухло. Чаще всего, это был крепкий, в десять-одиннадцать градусов мальт-ликер, по вкусу схожий с пивом, по доллару за две полулитровые банки. Все свободное время Алексей лежал на своей кровати, читая бесплатные рекламные русские газеты, либо сидел перед телевизором.

Из всей техники в квартире находились холодильник, микроволновка, допотопный телевизор и такой же, конца прошлого века, видеомагнитофон. Эти жилищные удобства, как и вся простенькая мебель, разумеется, не были куплены в магазине. Их когда-то принесли с гарбича, то есть с улицы, куда американцы раз в неделю, по пятницам, выносили ненужную мебель и технику. В ночь с пятницы на субботу весь этот хлам забирали специальные машины. А накануне мигранты, нуждавшиеся в бесплатной мебели, выискивали и несли в свои квартиры пригодную для использования утварь.

Определить, нуждается ли техника в ремонте, было проще простого: в случае неисправности прибора американцы по какому-то неписанному закону обрезали электрошнур. Если шнур на месте, значит, устройство в порядке – можешь забирать и пользоваться.

Итак, под вечер все жильцы стягивались в «общагу». Наскоро, потолкавшись в кухне и поужинав, они большей частью выходили в гостиную – на очередной киносеанс. А он включал в себя просмотр одной-единственной видеокассеты, также, как и видеомагнитофон, принадлежавшей Алексею. На ней был записан фильм – «В бой идут одни «старики»». И изо дня в день все жильцы вынужденно смотрели только его. Кто в десятый, а кто уже в сотый

раз! Отыскать в гарбиче или прикупить на «русском» Брайтоне какую-то другую подержанную кассету с иным фильмом почему-то ни у кого мозгов не хватало.

Не знаю, чем эта картина так привлекала Алексея. Возможно, он, как и режиссер, и исполнитель главной роли Леонид Быков, был родом из Украины, либо приходился ему родственником. Почему бы и нет? Например, когда-то в моей хиппарской юности, путешествуя из Питера в Одессу, я в поезде познакомился с младшим братом Быкова – здоровенным детиной лет тридцати.

Напившись самогона, он плакался мне в заплеванном тамбуре на тяжелые дни своего детства, проведенные где-то под Киевом, и настойчиво зазывал к себе в гости. А я, записав на салфетке его адрес, клятвенно обещал однажды к нему приехать. Не знаю, правду ли он говорил о своем великом родстве, да это тогда было и неважно.

…Однако, я отвлекся. Итак, домашний киносеанс был в разгаре, и из гостиной в который раз доносилась главная песня фильма «В бой идут одни «старики»»:

*Как-то летом на рассвете заглянул в соседний сад,
Там смугланка-молдаванка собирает виноград.
Я краснею, я бледнею, захотелось ей сказать:
«Станем над рекою зорьки летние встречать!»
Раскудрявыи клён зелёный, лист резной,
Я влюблённый и смущённый пред тобой.
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявыи, резной!*

Жил в той «общаге» еще один по-своему интересный субъект – Нурлан, здоровенный, мускулистый парень из Казахстана лет двадцати пяти. Помимо Володи, он был еще одним человеком, с которым, как мне казалось до того вечера, мы находились в дружеских отношениях. Я познакомился с ним в поезде метро через неделю после моего приезда в Нью-Йорк. Нурлан тоже приехал недавно и мало что понимал в этом городе. Увидев его, я почему-то сразу признал в нем земляка – все-таки Узбекистан и Казахстан

ближайшие соседи. Подошел к нему и в лоб спросил на русском: «Ты из Союза, из Центральной Азии?» Он, немало удивившись, тут же расплылся в широкой улыбке – «Да!»

Ну и затем на протяжение получаса мы расспрашивали друг друга про наши города (он оказался родом из Алматы), давно ли здесь, с какой целью, нашли ли работу. В США Нурлан, как и я, приехал не более чем на год, на заработки. Вот поднакопит деньжат, вернется на родину и женится на своей невесте Айгуль. Доехав до нужной мне станции, я рас прощался в Нурланом. Мы тогда напоследок даже обнялись и договорились обязательно еще увидеться. Нью-Йорк же город маленький, и случайно встретиться с земляком, особенно на бруклинском Брайтоне, труда не составляло.

И вот встретились – в этой «общаге», где Нурлан жил уже с полгода. Меня он не узнал, поэтому, войдя в квартиру и послав всем общий привет, тут же направился в кухню. Через полчаса вышел в гостиную уже вдрабадан пьяный. Но не затем, чтобы присоединиться к десятку соседей, сидящих кто на чем у телевизора. А сходу начал орать что-то по-казахски и материть уже на русском каждого, кто пытался его утихомирить. Тут все присутствующие, как по команде, встали и толпой набросились на Нурлана – этого почти двухметрового детину. Связали его заранее заготовленной на такой случай и лежавшей на холодильнике веревкой и приторочили к тяжелому креслу, сдвинуть которое с места было весьма затруднительно. Тот сначала, продолжая выкрикивать матерные слова, пытался освободиться, а минут через десять, свесив голову на грудь, вырубился.

Как я узнал от Володи, Нурлан работал где-то на стройке отбойным молотком. Каждый вечер без исключения либо напивался на кухне, либо приходил уже пьяный в стельку. И история повторялась вновь и вновь: он начинал орать истошным голосом и костерить всех подряд. На него привычно наваливались толпой, поскольку одолеть его одному-двоим не представлялось возможным. И молча привязывали к креслу, где он спал, как правило, до самого утра. Первый проснувшийся жилец Нурлана отвязывал, тот наспех умывался в ванной комнате и убегал на работу.

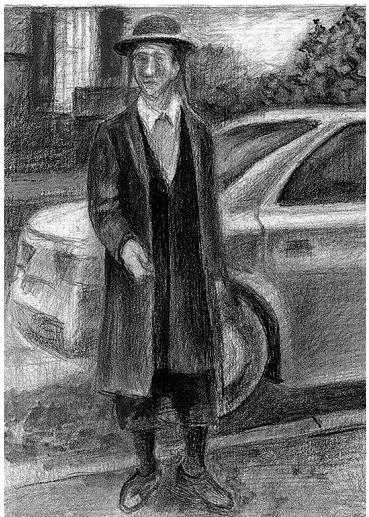
Не знаю, как в дальнейшем сложилась его судьба, и дождалась ли далекая Айгуль своего жениха. Думаю, вряд ли. Как я уже писал, мало кто из тех, с кем мне довелось познакомиться в Нью-Йорке, осуществил свою мечту. Хотя и планировал через годик вернуться домой. Этот величественный город большинство из них, спустя какое-то время, перемалывал и выплевывал на обочину. Спившихся, сколовшихся, скурившихся и в итоге нашедших в нем свое последнее пристанище...

Вот уже на протяжение четверти века я, всякий раз случайно застав идущий по телеку фильм «В бой идут одни «старики»», тут же вспоминаю серый по цвету большинства домов Бруклин. Этот остров, воняющий на рассвете у многочисленных продуктовых магазинчиков подгнившими за ночь фруктами и овощами. И ту «общагу», в которой жили Володя, Нурлан и Алексей. В тот же момент в голову нежно, до слез, стучится одна и та же песня из очень близкого с тех пор и для меня фильма:

*А смугланка-молдаванка отвечала сразу в лад:
«Партизанский, молдаванский собираем мы отряд.
Нынче рано партизаны дом покинули родной.
Ждёт тебя дорога к партизанам в лес густой».*

*Раскудряный клён зелёный, лист резной,
Здесь у клёна, мы расстанемся с тобой.
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудряый, резно-о-ой!..*

IV

Каждый понедельник я, как правило, позволял себе отдохнуть, а со вторника по четверг ходил на «русскую биржу». Так называлась улица, а точнее, небольшой ее отрезок длиной метров в пятьдесят, где каждое утро собирались такие же, как и я, гастарбайтеры – в надежде найти поденную или, если очень повезет, постоянную работу. Время от времени к этому месту подъезжал работодатель, и все мы наперегонки бросались к машине, расталкивая друг друга. Среди нас были, в том числе, и специалисты различных строительных специальностей высокого класса. Те как раз не спешили, зная, что им здесь никто не конкурент. И если приехавший говорил, что ему нужен, скажем, сварщик шестого разряда, все расступались, и один из них, немного поторговавшись, садился в машину и уезжал. Таким профессионалам обычно платили по 11-12 долларов в час. А оставшееся большинство, не имевшее никакой квалификации и претендовавшее от силы на 5-7 долларов, завистливо смотрело уезжающим вслед.

«Биржа» эта находилась в Боро-парке – микрорайоне Бруклина, где проживают преимущественно ортодоксальные евреи, которых мы называли кратко ортодоксами или пейсатыми. Потому что все мужчины из их числа носили пейсы, плюс широкополые шляпы. Немудрено, что работу, в основном, предлагали именно они. Как я узнал со временем, в Бруклине, кроме нашей, мужской, «биржи», где-то находилась такая же женская. Кроме того, успехом среди нелегалов пользовалась аналогичная «точка» для латиносов, то есть выходцев из Южной Америки.

Однажды, ортодокс, приехавший набирать работников, заявил на чистом русском, что ему нужно сразу несколько человек в лет-

ний детский лагерь. Причем, не на день-два, а на всю смену, то есть дней на двадцать. Что место работы не в Нью-Йорке, а за городом – в Катскильских горах. Пока другие думали, я быстро сел на заднее сиденье машины. О чем тут было размышлять? На тот момент постоянной работы в ресторане у меня еще не было. Почти месяц не придется толкаться на этой ставшей ненавистной «бирже», жить на всем готовом, то есть не тратиться на проживание и еду, да еще и получать по пятьдесят долларов в день. Что же может быть лучше?

Рядом со мной очень быстро оказались пожилой мужчина и совсем молодой парнишка лет двадцати. По пути мы заехали за полькой еврейского происхождения, с которой уже был подписан контракт. Как выяснилось позже, пани Барбара, женщина средних лет – повариха и специалист по приготовлению традиционного для евреев блюда гефилте фиш. А забравший нас с биржи мужик – управляющий лагеря Давид, мой земляк, уехавший из Ташкента подростком аж в 1966 году, после известного землетрясения.

По приезде в лагерь я познакомился со своими будущими коллегами, один из которых оказался тем самым Володей из Харькова, а вторым был Саша из Питера. Заезд детей ожидался на следующий день, а пока нас разместили в однокомнатном коттедже, в котором уже стояли три застеленные кровати, и распределили обязанности. Володя должен был дважды в день подметать всю относительно небольшую территорию лагеря. А нас с Сашей определили на кухню – во всем помогать пани Барбаре: чистить овощи, мыть посуду, в том числе две огромные кастрюли, накрывать детям в столовой, а после еды в ней убираться.

Мы с Володей сразу подружились и ежедневно после обеда, когда у нас было по два часа на отдых, ходили за территорию лагеря в ущелье, где с удовольствием купались в ледяной прозрачной реке, очень напоминавшей мне узбекистанские горные саи. Мой новый 62-летний друг оказался начинающим писателем (на родине он сформировал большой роман о любви, который по возвращению на скопленные деньги планировал издать отдельной книгой) и прекрасным рассказчиком. В эти свободные от работы часы я не

уставал поражаться захватывающим историям из его большой и многогранный жизни.

Приехавших на следующий день после нашего найма на работу детей было всего около сорока. Все они, как оказалось, отпрыски выходцев из бывшего СССР и неплохо говорили по-русски. Каждый день в столовую являлись в новых футболках, а на нас с Сашей, остающихся в одной и той же, пусть даже постиранной и чистой, одежде, смотрели с нескрываемой презрительностью.

Бухарский еврей Давид почему-то сразу меня невзлюбил. Возможно, в Ташкенте ему или его родителям приходилось сталкиваться с пренебрежительным отношением на национальной почве, и теперь он связывал те унижения со мной, не знаю. Это, однако, не помешало ему в ближайшую святую субботу, позвав меня к себе в личный коттедж, попросить об одном одолжении. Вернее, ни о чем особом он меня не просил, кроме разве что молчать об увиденном.

Усадив меня на целый час в кресло, Давид погрузился в работу: вручную выстирал свою рубашку, несколько пар носков, затем все это погладил, вымыл голову и высушил ее феном. Затем мы молча вышли на улицу, он поблагодарил меня, и я отправился по своим делам. И только спустя пару месяцев и узнав значительно больше о нравах ортодоксов, понял смысл этих манипуляций. В субботу ни один из них не имеет права работать, равно как и касаться любых электроприборов, включать их и выключать. А мое присутствие для проходящих мимо его дома могло означать, что не он, а я включил и на выходе выключил свет, а также пользовался утюгом и феном.

Может быть, еще и затем, чтобы я кому-нибудь из персонала не проболтался, дней через пять после начала смены Давид, придавшись к какой-то мелочи, меня рассчитал. Хотя работа моя, в общем-то, была несложной, и я ее исполнял весьма старательно. Сокрушавшимися из-за моего внезапного отъезда Володей и Сашей мы обменялись адресами в Бруклине. После чего управляющий вывел меня на дорогу к остановке и посадил на автобус в Нью-Йорк. Через пару часов я был в доме Ларисы, а уже на следующее утро вновь вышел на «биржу».

Здесь вроде бы ничего за время моего отсутствия не изменилось. Меня встретила прежняя толпа гастарбайтеров. Единствен-но, на всех столбах именно в этот день появилось напечатанное на ломаном русском объявление, примерно такого содержания: «Господа, ищущие работу! Пожалуйста, больше не стойте на 37-й улице, а пройдите на 39-ю улицу. Там стоять можно. Управ-ление полиции». То есть, власти в лице местной полиции пре-красно знали, кто мы и зачем здесь стоим, и что среди нас навер-няка большинство нелегалы – без разрешений на работу. Однако никого задерживать или арестовывать почему-то не спешили, а вот таким вежливым образом попросили сменить место нашего выжидания. Но в тот момент, то есть, ранним утром никто с этого места не ушел, это произошло несколько позже, и вот по какой причине.

Среди русских, приходящих ежедневно на «биржу», выделялся мужик лет сорока. Прихиппованый, весь в феньках, Гена не искал работу, а всегда стоял метрах в ста от нас, около кошерного продуктового магазинчика. Как-то мне рассказали, что он – в про-шлом известный российский актер и в годы перестройки сыграл главную роль в молодежном острожанетном фильме. Сейчас не помню его название, но Гену я узнал, поскольку хорошо помнил эту в свое время нашумевшую картину. Приехав в Нью-Йорк в на-чале лихих 90-х на заработки, он вскоре стал наркоманом, а здесь приторговывал героином. Это была его «точка».

Так вот, в то утро Гена стоял на своем месте. Вскоре подъехал работодатель, и все гастарбайтеры, привычно работая локтями, обступили его машину. Но тут выяснилось, что этому ортодоксу нужен всего один человек и от силы на час, за который он готов был, не торгуясь, отвалить десять баксов. Никого такой расклад не устроил, поскольку все стремились найти халтуру, как минимум, на весь день, чтобы получить раз в пять больше. Я же, помня дни, когда возвращался домой вообще пустым, согласился.

Всю недолгую поездку нанявшей меня, видя мою худощавую фигуру и желая убедиться в том, что я достаточно силен, то и дело с недоверием в голосе задавал мне один и тот же вопрос: «А ю стронг?» Его дом оказался всего в нескольких кварталах от «бир-

жи». По приезду выяснилось, что ему требовалось поднять на третий этаж всего-навсего один шкаф, и только. Недолго думая, я водрузил его себе на спину и забросил в квартиру заказчика всего за десять минут.

Получив с него обещанный червонец, я решил вернуться на «биржу» – в надежде успеть заработать еще хотя бы двадцатку. Подходя к ней, увидел, что всех моих конкурентов и след простыл. Зато у кошерного магазина стояли машины скорой помощи и полиции. Приблизившись к ним, ужаснулся: на носилках, только что задвинутых в удлиненный салон медицинского автомобиля, лежал накрытый простыней Гена. Я сразу понял, что это именно он, потому что на свесившейся с носилок руке разглядел знакомые хиппарские феньки.

До дому мне был час ходу или десять минут на метро. Я решил отправиться пешком, чтобы на сэкономленные полтора доллара немного выпить. И в первом же магазине, торгующем пивом, купил три банки малт-ликера. Шел, хмелев, и повторял про себя один и тот же ставший впоследствии привычным вопрос: «Как же так?.. Как же так?..»

V

В нашей среде мигрантов более всего не любили работодатели-поляков. Считалось, что все они поголовно кидалы. И действительно, как мой друг Володя, так и я, на своем опыте узнали, что это такое – работать на граждан этого происхождения. Володю они трижды и очень крупно нагрели на деньги. В итоге он вернулся в Харьков почти без средств: скопленного им капитала хватило только на подарки семье – и то с трудом. Мне же достаточно было и одного случая, благодаря которому я для себя понял, что более с поляками никаких дел иметь не хочу.

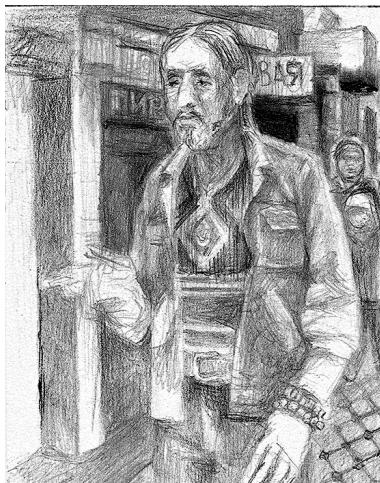
Работу в мебельном цехе, хозяином которого был поляк Вацлав, гражданин США, я нашел все на той же «бирже». Ему нужен был всего один разнорабочий для черновой обработки готовых изде-

лий – столов и стульев. Это был нелегкий труд – ошкуривать наждачной бумагой деревянные поверхности. Я отработал всего дня три, по истечении которых Вацлав заявил мне, что больше в моих услугах не нуждается. Как выяснилось позже, это была его обычная практика – нанимать «русских» рабочих на пару-тройку дней, а потом с ними расставаться, почти ничего не заплатив. Вот и мне на прощанье он заявил, что кэша сейчас у него нет, и чтобы я зашел на неделю. Мне тогда удалось выпросить у него лишь пятьдесят долларов, хотя он должен был втрое больше. Цех находился в другом конце города – Квинзе, и мне потом пришлось в эту даль съездить еще пару раз. Предварительно я звонил Вацлаву и договаривался о своем визите, но по приезде оказывалось, что он «только что куда-то отъехал». Кончилось тем, что я просто плонул на него. На то, видимо, и был его расчет.

Как-то я спросил Володю, неужели все поляки такие? На что он мне ответил, что именно по отношению к нам, «русским», – да, все. «Но почему?», – поинтересовался я и тут же получил исчертывающий ответ: «А сам не догадываешься?»...

Вообще, национальный вопрос, особенно, если он был сопряжен с деньгами, в мигрантской среде возникал довольно часто. Например, я неоднократно убеждался в том, что работать с родными узбеками – себе же дороже. Обычно знакомство с ними начиналось с восторгов и объятий, а затем переходило в уверения, что «своих мы не кидаем», дескать, всегда поможем. А на деле все выходило наоборот.

Так, однажды на «бирже» меня нанял на работу земляк – Хуршид из Самарканда, живущий в Бруклине по грин-карте. Как выяснилось, он подрядился сделать ремонт в еврейской школе, и ему нужен был напарник. «Как своему», он пообещал мне платить всего четыре доллара в час, хотя, уверен, с работодателем была иная договоренность.

Потому что час работы маляра стоил тогда, как минимум, шесть-семь долларов. Но расплачивался со мной не еврей, а узбек, любивший повторять: «Ты же, как и я, хочешь много работать?» Вот я и работал на него по двенадцать-четырнадцать часов в день, чтобы заработка был более-менее приемлемым. И был счастлив, когда спустя неделю ремонт, наконец, закончился.

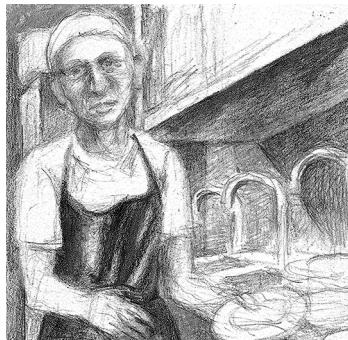
Как только я приехал в Нью-Йорк, мама, то и дело дававшая мне наставления по самым разным вопросам, предупредила: «На улице и в транспорте не вздумай смотреть на черных». И речь шла отнюдь не о явных конфликтах с афроамериканцами. Нет, она не сказала мне, например, чтобы я не вступал с ними в споры. Предлагалось всего лишь «не смотреть». На мой логичный вопрос, почему, мама сказала, что мой взгляд в их сторону может быть расценен ими как дискриминация по расовому признаку. В общем-то, я никогда не считал себя белым – узбеки вкупе с татарами, как ни крути, относятся к желтой расе. Да и вообще, на родине никогда не задумывался, кто я по цвету кожи. По национальности – да, еще со школьной скамьи знал, что евреем лучше не быть, узбеком – терпимо, предпочтительней считаться русским или украинцем.

И вот, приехав в США, я впервые столкнулся с этим неудобным вопросом, который то и дело задавал себе: неужели до сих пор расизм здесь не преодолен? Судя по американским фильмам, вроде бы уже давно, по меньшей мере, лет тридцать назад. Но, стоило мне вместе с приятелем однажды приехать в микрорайон Гарлем, находящийся в северном Манхэттене, понял, что лучше бы мы в этот «черный» район не совались.

Собственно, отправились мы туда не любопытства ради: кто-то рассказал, что в Гарлеме можно прикупить приличный CD-плеер очень недорого – дешевле, чем в Бруклине. В тот раз достаточной суммы денег с собой у нас не было, хотелось для начала просто прицениться. И вот, нагулявшись по большому маркету аудиотехники, мы вышли на улицу и стали озираться в поисках входа в метро. Тут я заметил справа и слева от нас метрах в двадцати небольшие группы черных подростков, с интересом глядящих в нашу сторону. «Хей, гайс!», – уже кричал нам кто-то из них, когда я прошипел приятелю:

«Бегом отсюда». И мы понеслись – сперва через дорогу, рискуя быть сбитыми несущимися машинами, а затем вдоль ближайшего квартала, и было неважно, куда нас этот бег приведет. А по дороге я вдруг вспомнил, что именно в Гарлеме лет десять назад моему другу Илье Лиманскому, приехавшему в Нью-Йорк с театром на гастроли, во время подобной прогулки сломали челюсть.

В общем, пробежали мы тогда квартала три, и казалось, что из каждой подворотни нам вслед несется чье-то улюлюканье. Только отыскав одну из станций метро и оказавшись в поезде, летящем на юг, мы успокоились. «Лучше не оглядываться по сторонам, – думал я тогда, – лучше не оглядываться, а смотреть в пол».

Если говорить о ресторане «Чинар» – это был настоящий Вавилон. Вместе со мной, полу-узбеком, в нем в то время официантами, басбоями и поварами работали выходцы из нескольких стран бывшего СССР: России, Беларуси, Молдовы, Украины, Киргизстана и Латвии. В экстремальных условиях порой пятнадцатичасового рабочего дня конфликты между персоналом время от времени вспыхивали и здесь.

Так, однажды младший повар – двухметровый бугай из Молдовы Гриша – задержал меня, бегущего с горой чистой посуды в банкетный зал, со словами:

– Эй, ты, узбек, как там тебя, стой, сука! – резким движением он ткнул в мою сторону широким лезвием тесака.

– Ты чего чудишь, совсем сбрендил? – крикнул выросший между нами старший повар Леха, выходец из Украины.

– А хули он под ногами крутится! Я тут за полтинник ишачу, а эти басбои не за хрен собачий по столынику загребают! Не лезь, хохол! – нож Гриши теперь почти упирался моему заступнику в грудь.

– Да ладно, чего вы, – примирительно из-за его спины подал голос другой повар, специалист по разделке рыбы Амангельды.

- И ты, киргиз, не суйся! – повернул голову в его сторону Гриша.

Я молча стоял на пороге кухни, не зная, как поступить. Ответить ему было чересчур рискованно, а просто развернуться и уйти – без толку, потому что понимал, что начавшаяся разборка просто так не закончится. Тем более, пройти мимо него в этот вечер мне предстояло еще не раз. Требовалось загасить разгоревшийся костер – не навсегда, хотя бы на сегодня.

И тут на кухне в виде спасательного круга возник басбой Андрей. Его, бывшего актера, всегда уравновешенного, способного любому ответить с долей здорового юмора, на кухне уважали.

- Так, кто тут неровно дышит, вновь Гриша? – с улыбкой не-громко сказал он. – Что ж ты, Гриня, глянь, как по тебе давно уже сохнет молдавская графиня.

Скуластое нервное лицо Гриши в ту же секунду перекосила виноватая улыбка.

- Да ладно, мы же шуткуем, – выдавил он из себя и примирительно в мою сторону:

- Гуляй пока, узбек-чебурек.

В одну из смен и я позволил себе выходку, за которую стыжусь по сей день. Посудомойщиком в ресторане работал тщедушный мексиканец Педро. Никто из нас доподлинно не знал, в каком статусе он проживает в США, но за свой труд, как и все мы, получал наличными. Развлекаясь на однообразной машинной работе, Педро часто со смехом кричал вслед моему другу: «Рома-макарона!» Тот снисходительно спускал ему с рук эту безобидную шутку.

Я же однажды решил ему ответить, назвав «гарбеджменом» (мусорщиком). Педро сперва не понял смысл этого слова. Тогда с вызовом, громко и отчетливо, глядя прямо в его черные глазки, я повторил: «Ю а гарбеджмен!» И тут увидел на его побледневшем смуглом лице слезы. Бросился к нему с извинениями, приобнял. И вдруг он, неожиданно для всей кухни, уткнувшись своей маленькой головкой мне в грудь, совсем по-детски, отчаянно разрыдался...

Раисой я познакомился на фестивале бардовской песни, о котором узнал случайно, листая в поисках работы газету «Русский базар». Пришел в один из арендованных ресторанов на Брайтоне, исполнил несколько своих песен и неожиданно стал лауреатом третьей премии. Первые две, разумеется, получили представители «титульного народа». Разве могло быть иначе на фестивале имени Менделя Крика? Так вот, перед своим выступлением я зачем-то публично посетовал на то, что здесь, в эмиграции, у меня все еще нет гитары, поэтому аккомпанирую себе на позаимствованной у одного из участников. По окончании вечера ко мне подошла Раиса, бывшая в числе многочисленных зрительниц, и предложила на время моего проживания в Нью-Йорке одолжить свой инструмент. Назвала адрес – ее дом оказался в получасе ходьбы от моего, и уже на следующий день я к ней явился, прикупив в русском магазине халву к чаю.

Не сказать, что я сильно нуждался в гитаре – петь и музенировать у меня особо ни желания, ни времени, ни сил не было. За год жизни в США мне удалось написать всего пару песен, одна из которых вполне естественно начиналась такими строками: «Засыпая на чужбине, на засиженной скамейке, не в Одессе, не в Париже, а в каком-нибудь Нью-Йорке...» Просто Раиса с первой минуты привлекла меня своей неожиданной заинтересованностью, как будто давно обо мне была наслышана и мечтала познакомиться. К тому же от бывшей россиянки пахло уютным домом, которого мне так не хватало.

Эта пожилая женщина, по возрасту годящаяся мне в матери, жила в Бруклине по грин-карте уже лет десять. Здесь она нигде не работала, получала вэлфер – социальное пособие и, кажется, даже фудстемпы – талоны на питание. К тому же в своей принятой от государства квартире одну из двух комнат сдавала в аренду такому же нелегальному мигранту, как и я, что, в общем-то, было

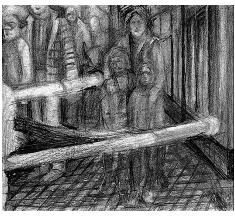
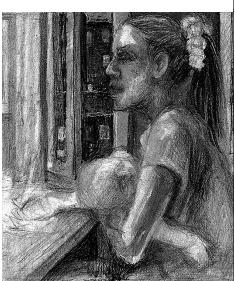
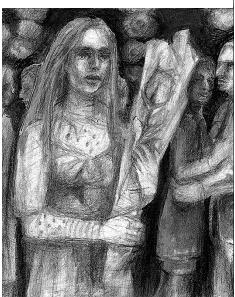
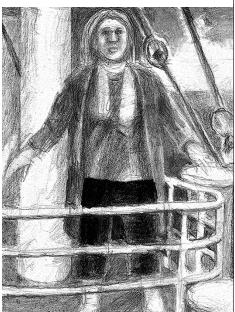
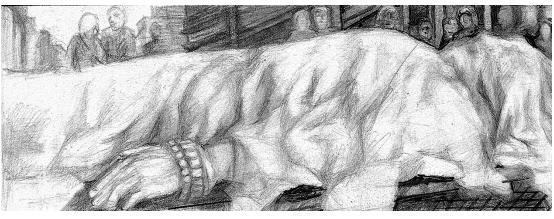
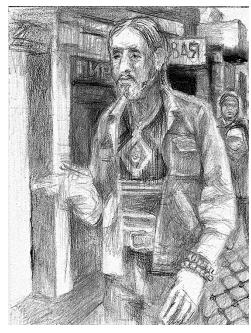
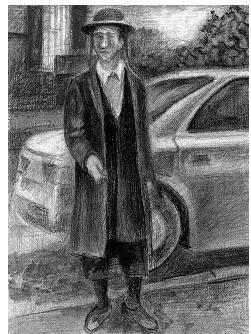
незаконно. Поэтому с первого дня знакомства относилась ко мне с пониманием, а за мои песни еще и с почтанием, поскольку с молодости любила творчество известных в Союзе бардов.

Получив от Раисы гитару, я стал регулярно ходить к ней в гости. Всякий раз она тут же усаживала меня за стол, к моему приходу уставленный блюдами со всевозможной едой. Причем, у моей тарелки неизменно лежала капсула пищеварительного фермента. «Чтобы со вкусом елось и больше вмещалось», - приговаривала хозяйка.

Покончив с едой, мы, как правило, смотрели с нею какой-нибудь советский или российский фильм. В моей «общаге» видеомагнитофона не было, поэтому подобные сеансы стали для меня подобием глотка воздуха с родины. Своих кассет у Раисы не водилось, поэтому всякий раз перед визитом к ней я брал напрокат в студии записи «Мосвидеофильм» на Брайтоне очередную новинку или классику. «Спроси у них, плиз, к следующему твоему приходу фильм «В бой идут одни «старики»», - попросила она однажды. Что делать, раз ей так хочется, принес и его, а заодно рассказал про «общагу» Володи и ежевечерний просмотр там исключительно этой картины. «Как это романтично!» - воскликнула она, хотя сия история ничего, кроме грусти, во мне тогда не вызывала.

После кинопросмотра мы обсуждали увиденное или дискутировали об искусстве в целом. «В российской культуре, конечно, есть свои шедевры, но до американской им далеко, - рассуждала Раиса. – Разве может кто-то из наших сравниться с Чаплином или Хэмингуэем?» Чаще всего, я с нею не соглашался, приводя примеры из русской или советской классики.

Однажды, когда я заявился к ней в очередной раз, Раиса объявила, что сегодня мы обязательно должны посмотреть «Титаник» Кэмерона, вышедший в прокат пару лет назад. Она как раз купила кассету с этим фильмом на языке оригинала. Я уже видел его дома, но пересмотреть, тем более, в американской версии – вай нот? Во время просмотра украдкой поглядывал на нее и видел на ее лице слезы, а на финальных титрах услышал, как она всхлипывает. Поэтому тут же спросил, чем именно эта кинокартина так ее растрогала.

«Большой любовью. Понимаешь, здесь показаны такие чувства, которых у меня, наверное, никогда не было. Вернее, были, но лишь однажды», - призналась она. И рассказала, что и в ее в жизни случилась очень похожая история. Когда-то в юности Раиса плыла на круизном теплоходе по Волге, и там познакомилась с одним парнем. Он был художником из Ташкента, очень талантливым, но непризнанным у себя дома. Поэтому ему приходилось зарабатывать на жизнь, вкалывая на фабрике. И вот ему повезло – досталась профсоюзная путевка в этот круиз. Раиса тогда училась в педагогическом институте, а, поскольку жила с родителями, всю стипендию откладывала – копила деньги на это путешествие.

И вот они плывут вместе, в один из вечеров знакомятся на танцах в ресторане, и он предлагает ее нарисовать. Она уговаривает свою соседку по каюте пару часов подышать свежим воздухом на палубе и приглашает молодого красивого мужчину к себе. Тот приносит из своей каюты бумагу с карандашами и просит ее раздеться догола. Девушка, конечно, стесняется, но уступает его просьбе. Потому что чувствует, что уже влюблена, да и он к ней неравнодушен. Нарисовав ее, он тоже раздевается и садится рядом, и они начинают целоваться. Но тут сильный удар сотрясает судно – оно врезалось во что-то огромное. Наспех одевшись, они выбегают на палубу и видят, как все пассажиры с криками носятся туда-сюда – корабль тонет! Толпа их разделяет, в панике кто-то прыгает за борт, некоторые гибнут под ногами других. Раиса, очутившись в шлюпке, остается жива, но своего узбека она больше никогда не видит. Возможно, он, как и герой «Титаника», утонул в бушующих волнах волжской воды...

- Знаешь, ты мне напоминаешь того парня, мою единственную любовь, - неожиданно призналась Раиса, встала со своего кресла, взяла меня за руки и притянула к себе. – Я могла бы выгнать моего жильца, ты поселившись со мной – навсегда, сдался тебе этот Ташкент!

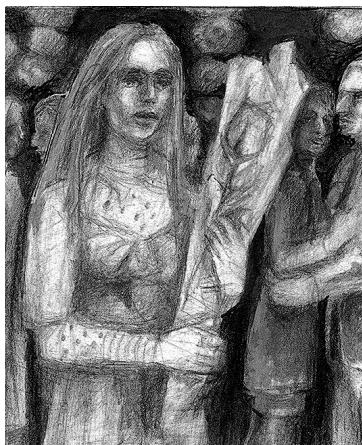
И впрямь, зачем возвращаться на Итаку, где меня давно, кроме мамы, никто не ждет? - думалось мне иногда. Но не в тот вечер – такой поворот мне и не снился. Разумеется, благодарность, и даже огромную, я к Раисе испытывал – за ее доброе и теплое отноше-

ние, открытость и даже ласку. Но не может, не должно это чувство измеряться именно такой отдачей. Поэтому отстранившись, я только и сумел выдавить неловкое:

«Извините», - и затем, наспех собравшись, убежал. И больше, вплоть до дня моего отъезда домой, когда я забежал на минутку, чтобы вернуть гитару, мы не виделись.

Спустя полгода после моего возвращения на родину, я получил от нее нежданное короткое письмо. «Прости меня, если сможешь, - писала Рая. – В тот вечер я, наверное, повела себя неправильно. Конечно же, никакого узбека никогда в моей жизни не было. Вернее, был, один – ты. Однажды появившись в моей жизни, именно ты стал для меня человеком, ради которого захотелось и стоило жить. Ведь что моя жизнь здесь сейчас? Одно одинокое прозябанье. Когда-то уехав сюда, я думала, надеялась, что только здесь стану счастлива и свободна. А потом поняла, что и впрямь теперь свободна – от счастья. Все светлое, что было в моей жизни, осталось на родине. Я могу, конечно, туда иногда приезжать, но меня там никто не ждет – никого уже не осталось. Да если вдуматься, и не было. Я сейчас о настоящей любви. Что-то похожее у меня возникло, но уже здесь. Ты стал для меня одновременно и сыном, и желанным мужчиной, которых в моей прошлой жизни не случилось. Обещаю, больше не буду».

Хотелось написать ей в ответ, рассказать, как хорошо мне бывало в ее доме, как я ей благодарен и что вовсе не сержусь на нее, и однажды обязательно приеду к ней в гости, и мы вновь станем добрыми друзьями. Не написал. Но думаю, обязательно это сделаю. Когда-нибудь...

Как правило, рабочие уик-энды проходили одинаково: с полудня подготовка ресторана к приему гостей, затем ближе к семи вечера их встреча, обслуживание до последнего клиента, уборка помещений и сервировка столов к завтрашнему дню. Но среди этой обыденности, в самый разгар веселья, неизменно появлялась Мария — хрупкая девушка с длинными до пояса белокурыми волосами. Она, будто сказочная фея, молча, с легкой улыбкой неспешно обходила танцующих, держа в руках всего одну розочку, обернутую в прозрачный полиэтилен. Когда кто-нибудь покупал этот цветок за пару баксов, ненавязчивая продавщица ненадолго исчезала, а затем появлялась с новой розой.

Как я узнал от гардеробщика, пожилого Василия родом из Могилева, Марию (он мне и назвал это имя) привозил ее брат Александр. Год назад, выиграв грин-карту, тот приехал из Владивостока, а затем по программе воссоединения прибыла и младшая сестренка. Большая корзина роз находилась у него в машине на входе в ресторан, и девушка, продав очередной цветок, вновь и вновь возвращалась за новым, пока не оставалось ни одного.

Как только эта волшебница появлялась в ресторанном зале, для меня работа как бы замирала. Я тут же забывал про тарелки, вилки и бокалы, и, не решаясь к ней подойти, лишь издали пытался поймать взгляд ее огромных глаз. Иногда мне это удавалось, и в тот миг на душе становилось легко и тепло. И потом, после исчезновения Марии, весь остаток вечера в моей памяти тлел робкий огонек ее нежной загадочной полулыбки.

Из моего окружения многие, спустя какое-то время после приезда в Нью-Йорк, находили здесь новые любовные отношения.

Даже если на родине их ждали семьи. Меня в Ташкенте никто не ждал, хотя там и осталась жена с грудным ребенком. Через месяц после отъезда я почувствовал некую перемену в отношении ко мне с ее стороны. Письма, которые шли примерно десять дней, но получаемые мной почти ежедневно, неожиданно прекратились. Тогда я позвонил своему дяде, у которого на его работе был факс, и попросил связаться с моей женой. Через него я предложил ей написать мне письмо, прийти к нему и переправить его на номер русской аптеки рядом с моим нынешним домом. Затем каждый день бегал в эту аптеку, пока в один из вечеров не натолкнулся на сочувствующий и вместе с тем насмешливый взгляд тамошней работницы. Долгожданное письмо, о получении которого мы с нею заранее договорились, наконец-то пришло.

В нем моя супруга писала, что вновь влюбилась, и я сам тому виной, поскольку, подлец, бросил ее в одиночестве. Что ее новый избранник – мой друг. Ну а как же иначе? Своих друзей ведь у нее не было, только мои. Поэтому только он и мог стать предметом ее чувства. И в завершение, видимо, для утешения, уверяла в том, что для нашего сына все равно я останусь единственным отцом...

Прочитав это послание, я отвечать ей не стал, хотя оно заставило меня страдать всей душой. Затем долгое время, где бы ни работал, ежеминутно только и думал: «Как же так, Настя, как ты могла?» Месяца через четыре, наконец, отпустило. Я буквально физически почувствовал, как боль начала уходить и постепенно выветрилась, оставив лишь горькое послевкусие.

Когда я стал условно свободным, мне, тем не менее, ни о каких новых отношениях думать не хотелось. Американки, с которыми иногда по работе приходилось общаться, внешне были не в моем вкусе. Да и что могло возникнуть у них с нелегальным мигрантом? Из «русских» женщин я общался лишь со своей пожилой хозяйкой Ларисой и почти тех же лет Раисой, к обеим питая, скорее, сыновьи чувства. И вот приблизительно в это время меня взяли на работу в ресторан «Чинар», куда каждую неделю приходила Мария. А с нею появилось легкое подобие надежды: мало ли, а вдруг?..

Я редко выбирался на какие-либо культурные ивенты. Так, однажды увидел в одной из газет объявление о том, что такого-то числа в одном из клубов Манхэттена состоится концерт моего любимого минималиста Филиппа Гласса. И вход-то, на удивление, всего шесть долларов. Собрался ехать, но с утра мне неожиданно позвонил басбой Андрей, по будням работавший официантом, и попросил вечером прийти в ресторан. Потому что его всегдаший помощник Женя приболел. И я согласился – деньги, вернее, возможность заработать лишнюю копейку, как обычно, решила все. А тут также из газеты узнал, что в Бронксе пройдет рок-фестиваль. И вот на него-то мне попасть удалось.

Приехав и бестолково слоняясь в толпе черномаечных тинэйджеров, я вдруг увидел ту самую Марию, что приходила иногда в «Чинар» с одинокими бутонами розочек в руках. Но она была не одна – девушка катила впереди себя летнюю детскую коляску и то и дело оглядывалась по сторонам, как будто кого-то искала. А время от времени, когда ее ребенок начинал из-за грохота музыки вокруг плакать, становилась перед ним на колени. Но не брала его на руки, а, наклоняясь к нему и улыбаясь, что-то шептала ему на ухо, и он тут же успокаивался. Я со стороны, не решаясь к ним подойти, умиленно их разглядывал, находясь метрах в десяти. Но потом вдруг какая-то пара держащихся за руки рокеров на какое-то мгновение заслонила маму с ребенком от меня, и я потерял их из виду. Сорвался со своего места, забегал в разные стороны, пока, слава Богу, не нашел их вновь. Вернее, только Марию – коляски с ребенком у нее уже не было. Она стояла у барной стойки и грустно, как-то отрешенно, смотрела в сторону сцены. И тогда, возможно, именно из-за этого ее одинокого взгляда я, наконец, решился к ней подойти.

- А я тебя знаю – ты как таинственная фея по выходным приходишь в ресторан, где я работаю, и продаешь посетителям цветы – по одному, завернутому в целлофановый кулек.

- Да, все верно, прихожу. И твое лицо мне тоже знакомо.

- Ну а здесь ты что забыла, да еще и с маленьkim ребенком?

- Ну, так, захотелось послушать рок, а дочь оставить было не с кем.

- Но это ведь неправда... У тебя что-то случилось? Почему ты

теперь такая грустная?

- С чего ты взял? По каким-таким признакам ты это решил?

- Да по тебе это видно – это не твоя дочь. Ты с такой любовью на нее смотрела, и, уверен, не решилась бы привезти своего грудного младенца в этот кромешный грохот. Я думаю, что какая-то мамаша, рокерша, вероятно, твоя подруга, которой необходимо было здесь выступить, пришла со своим ребенком, потому что действительно оставить было не с кем, и отдала его тебе – временно, посторожить. Верно?

- Да, все так, но мне бы хотелось...

- Иметь свою дочь?

- Да, мальчика или девочку, это не важно.

- А почему тебе так сильно этого хочется?

- Потому что это был бы мой ребенок, вышедший из меня. И он, в отличие от взрослых людей, никогда бы меня не предал.

- Тебя кто-то сильно обидел?

- Ну, да, можно и так сказать, что-то такое было...

- А сейчас у тебя нет близкого человека – мужа или бойфренда?

- Пока нет.

- Но ты хотела бы вновь его обрести?

- Хотела бы, только если он вновь не окажется предателем.

- А как ты считаешь, я способен на такое? Ну, на предательство?

- Мне кажется, нет.

- Значит, ты смогла бы со мной встречаться – в этом городе?

- Именно в этом, и только в нем?

- Ну, по меньшей мере, хотя бы в нем, пока я здесь.

- А ты можешь исчезнуть?

- Да, я скоро отсюда уезжаю. Но это не означает предать тебя.

Мне кажется, именно тебя я предать бы никогда не смог.

- А нашего будущего ребенка?

- И его тоже. Я бы обязательно вернулся вновь. Ну, или уже теперь забрал тебя с собой – в мой родной город, если бы ты согласилась.

- Тогда забери.

- Да, так и будет, я заберу тебя в мои Холмогоры, и мы будем счастливы.

- Конечно, а разве может быть иначе? Будем, непременно.

После этого чудесного знакомства мы с Марией стали видеться часто. Разумеется, по будням, когда у меня и у нее не было работы. Чаще всего, встречаясь в парке аттракционов бруклинского полуострова Кони Айленд, неподалеку от которого она с братом снимала студию, мы выходили на пляж. Затем босиком, если погода позволяла, по щиколотки в воде долго и не спеша шли вдоль океана, параллельно «русской» улице Брайтон-Бич. И говорили – обо всем на свете.

Так, однажды Маша рассказала, что Нью-Йорк ей напоминает родной, портовый Владивосток, и она очень скучает по дому. Я в ответ сказал, что очень скучаю по Ташкенту, и вряд ли смог бы жить в США. Поэтому очень скоро мы вместе поедем в мой город, и она воочию убедится в том, какой он замечательный. Она вновь, как при знакомстве, сказала: «Конечно». И верилось, что так и будет.

И, разумеется, мы читали друг другу стихи. «И все ж навеки сердце угрюмо, и трудно дышать, и больно жить...», - пропела она однажды на незнакомый для меня мотив с юности любимые строчки Гумилева. И очень удивилась, когда я продолжил: «Машенька, я никогда не думал, что можно так любить и грустить».

А еще мы условились писать записки. Независимо от наших встреч. Как письма в далекие города, будто мы не рядом, а за тысячи километров друг от друга. И оставлять эти послания под усиловленным камнем в маленьком Кайзер-парке, на берегу пролива Кони Айленд. Я очень любил этот закуток Бруклина, главным образом, за то, что только здесь, и нигде больше в Нью-Йорке, выселись несколько огромных тополей – с детства любимые деревья, так распространенные на моей родине. Бывало, напишется что-то за ночь, и утром я бегу в этот парк. Чтобы заложить под «горячий камень» записку, которая, независимо от содержания, всегда начиналась словом «Любимая!» Глядь, а под ним меня уже ожидает записка от Маши. Чаще всего, своим содержанием не менее теплая и откровенная.

О себе она не любила рассказывать. Я знал лишь, что ей 18 лет, что она до сих пор мечтает однажды отправиться в кибитке, за пряженной парой лошадок, или на паруснике путешествовать по

всей планете. Потому что для по-настоящему свободных людей никаких границ не существует. И она убеждена, что когда-нибудь на всем свете наступит мир. Я не возражал, поскольку и сам в ее возрасте в это отчаянно верил.

Она знала, что на родине у меня осталась семья, но теперь я уже не скован никакими обязательствами. Поэтому мы без стеснений строили планы о том, как заживем в Ташкенте, откуда каждое лето будем отправляться в путешествия автостопом. И однажды таким способом доберемся до ее родного Дальнего Востока.

Встречаясь в моем ресторане, мы сдержанно здоровались. А когда она, распродав все розы, шла к выходу, я бежал следом. Догонял на автостоянке, где в своей машине поджидал ее брат. Мы прижимались друг к другу, я обнимал ее и напоследок шептал одно слово: «Люблю». Она также шепотом отвечала: «Люблю».

Но однажды она не приехала, хотя по предварительной договоренности должна была. Не зная, что и подумать, я с трудом доработал смену, а придя глубокой ночью домой, так до утра и не уснул. Набрав ее домашний номер в шесть часов, услышал голос Александра. Прерывисто всхлипывая в трубку, он рассказал, что вчера Машу сбил какой-то черный урод, что она теперь в Кони-Айленд-госпитале. А он дома, потому что должен был дождаться моего звонка – так она его попросила. И сейчас, наконец, едет к ней. Конечно, и я тут же побежал в эту больницу, благо она от меня находилась всего в сорока минутах ходьбы, а бегом – так втрое быстрее. На входе мы столкнулись с только что подъехав-

шим Александром, обнялись, и он, уткнувшись мне в грудь, разрыдался. Я же пока что было сил держался.

По его рассказу, Маша накануне вечером вышла из дома в ближайший магазин за хлебом и фруктами. И на угол Нептун-авеню и Вест-36-стрит на большой скорости на пикапе вылетел этот малолетний чернокожий парень. По рассказам соседей, у Маши не было ни одного шанса как-то увернуться. Удар был настолько сильный, что она, сильно приложившись головой о лобовое стекло автомобиля, пролетела метров пять. Александр, услышав со своего третьего этажа визг тормозов и крики людей, тут же выбежал на улицу. Скорую помощь и полицию дожидаться не стал. Вместе с соседом перенесли ее к нему в машину, где она, прежде чем потерять сознание, успела прошептать брату просьбу – ждать утром моего звонка...

Операция, которая длилась несколько часов, уже давно закончилась. Мы с Сашей сидели около двери реанимации и ждали врача, за которым пошла медсестра. Спустя десять нескончаемых минут он вышел, держа в руках два халата, и спросил: «Вы брат?» - «Да» - «А вы муж?» - «Да». «Пойдемте, она очнулась и вас зовет». Мы надели халаты и прошли в большую палату, где стояло множество кроватей, и все они были заняты полуживыми пациентами. На койке у окна лежал кокон из бинтов – Маша! Я обнял и прижал к себе Александра, и шепотом попросил его и себя не плакать. Но это оказалось уже невозможным. Из ее полуприкрытых глаз на сером лице тоже текли слезы.

- Саид, Саид, - еле слышно прошептала она, - не оставляй... Сашу.

Я встал перед кроватью на колени и взял ее горячую руку в свои, прижался к ней губами.

- Маша, любимая, не оставляй нас.

- Я с вами, я с тобой... Любимый... Скоро встану, и мы поплыем... на корабле... под парусами... домой... А потом будем жить... долго, долго... и, как у Грина... умрем... в один день...

Она закрыла глаза, и врач, стоявший сзади нас, попросил немедленно уйти. Мы на подгибающихся ногах вышли в коридор, обня-

лись – более сдерживаться сил уже не осталось... Через минуту вышел врач и тронул меня за плечо:

- Не плачьте, думаю, все будет хорошо.

В этом госпитале Маша лежала с месяц, в течение которого мы с Сашей поочередно, а иногда вместе навещали ее каждый день. Оплату за лечение большей частью погасила страховка. А остальное знакомому адвокату удалось через суд выиграть с виновника аварии, который по молодости лет отделался этой выплатой. Я один встречал Машу, похудевшую и осунувшуюся, на выходе из больницы – Саше, работавшему таксистом, в тот день выбраться не удалось. В руке у меня символично была одна-единственная розочка.

- Я должна сказать тебе очень важную вещь, - сходу огорчила меня Мария. – Поехать с тобой в Ташкент у меня не получится. Не могу я оставить Сашу здесь одного. Может быть, когда-нибудь – да, но не сейчас. Или ты сумеешь получить визу и приедешь ко мне вновь?

И что что мне теперь оставалось делать? Лететь нужно было уже через две недели, и билет на самолет для нее я купил. Но разве дело только в этом билете? Перед вылетом в США визу в консульстве мне дали лишь на полгода. Через пять месяцев по совету мамы я отправил в миграционную службу в Вашингтоне письмо-просьбу – продлить визу еще на полгода. Спустя недели три, получил оттуда ответ о том, что мое обращение рассматривается, и все на этом. Остальные полгода жил здесь на полугражданском положении: новой визы-то у меня не было, лишь это письмо о рассмотрении. Поэтому рассчитывать снова получить ее в ташкентском посольстве я не мог. Следовательно, сюда я вряд ли еще когда-нибудь попаду. Так что оставалось лишь надеяться на то, что однажды Маша приедет ко мне. Но произойдет ли это, теперь большой вопрос. Ведь неизвестно, что с нею, да и со мной, произойдет даже через год.

Вскоре после возвращения в Ташкент я развелся с женой. С Машей поначалу мы переписывались очень часто. Почти каждый день отправляя ей свои письма, полные воспоминаний и надежд на лучшее, я с такой же периодичностью и подобным содержанием

ем получал и ее послания. Но с течением времени они стали приходить все реже и реже. В одном из последних она написала, что поступила в колледж. А по его окончании планирует продолжить учебу – в университете на врача. Уверенности в том, что когда-нибудь мы будем вместе, уже не было – ни у нее, ни у меня. Возможно, поэтому примерно через год наша переписка прекратилась. А еще спустя год я женился вновь, и затем у меня родилась дочь...

Через десять лет по приглашению Госдепа США я в составе группы журналистов-международников снова оказался в Нью-Йорке. Как ни странно, никаких препятствий для получения мною визы американское консульство не обнаружило. Приехав, тут же набрал номер Марии с Александром. Но на мой телефонный звонок ответили совершенно незнакомые люди, которые в этой квартире жили уже лет шесть-семь. О том, где теперь мои друзья, они ничего не знали. К тому времени и по сей день все, что у меня осталось от Марии, одна лишь ее записка, когда-то извлеченная мною из-под «горячего камня»...

«Саид, Саид, Саид! Саид... Я не хочу, чтобы твоё имя оставалось всего лишь словом. Я просыпаюсь. Уже далеко за полночь... Я хотела бы позвать тебя, и чтобы ты пришёл, Саид! Ты веришь, что когда-нибудь это будет? Твой Ташкент так далеко, что, честное слово, я просто не верю в его существование, я знаю, что он есть, но не верю. Иногда я даже не верю в то, что происшедшее здесь случилось именно со мной... Тебе никогда не хотелось оставить всё так, как было, не испорченным бытом, дурным настроением и еще Бог знает чем? Мне иногда хочется, но это только иногда. Я, как это ни глупо и ни самоуверенно, очень-очень верю в существование человека, с которым можно объясняться одним взглядом или прикосновением, и которому снятся мои сны. Я верю, что это ты, Саид! Какой бы я была, если бы не знала тебя? Мне, наверняка, было бы ужасно трудно жить. Сейчас тоже тяжело без тебя, но я ведь знаю, что ты есть...»

VIII

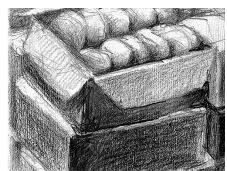
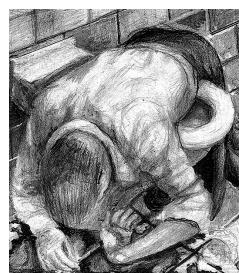
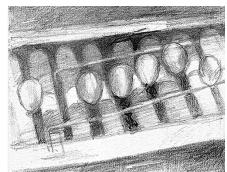
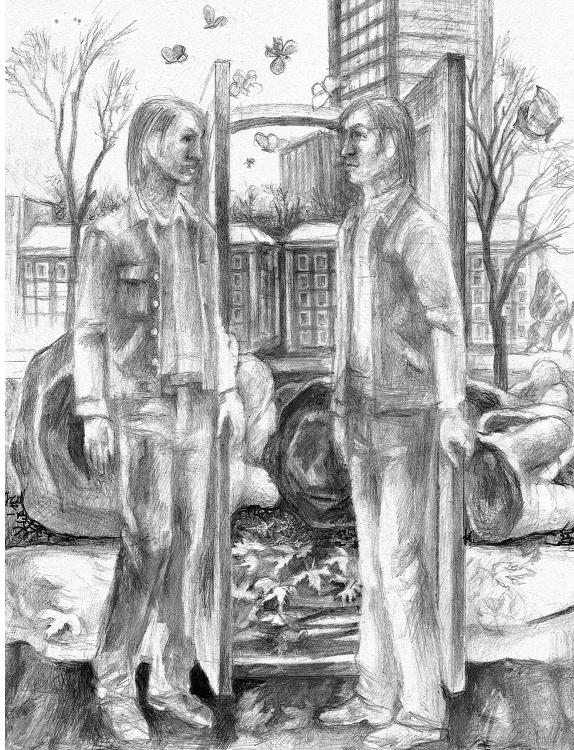
За год жизни в Нью-Йорке, благодаря «русской бирже», я освоил с десяток ранее незнакомых для меня профессий. В какой только «шкуре», часто всего на день-два, не пришлось побывать. Так, помимо моей основной на выходных работы басбоем, в будни довольно часто тянул лямку маляра-отделочника. Несколько дней проработал на заводе металлоконструкций – у токарного станка сверлил дырки в дверных «ушках». Дня три стоял у конвейера на яйцефабрике – выставлял на ленту решетки яиц. С неделию при помощи специального пистолета с бьющей из дула струей горячего воздуха растапливал парафин на канделябрах в салоне проката свадебных и похоронных аксессуаров. Неоднократно развозил в небольшом фургоне по супермаркетам разную сдобу. Кстати, эта работа была самой легкой: большей частью я отдыхал, пока мой «хозяин», араб по происхождению, вез меня от одного магазина к другому. Затем мне предстояло всего пару небольших коробок с булочками отнести от машины до хлебных полок. А потом снова длительный переход – в следующий маркет или пекарню. Несложно, хотя и получал за это всего по пять долларов в час. Пару-тройку раз я горбатился на мувинге. Это когда люди переезжают из одного дома в другой, и необходимо всю их мебель упаковать, чтобы не поцарапать, в матрасы и одеяла, загрузить в машину, выгрузить и расставить ее в новом жилище. Этот труд был самым тяжелым, но и платили более чем где бы то ни было – по десять долларов в час. Два дня для чего-то рыл яму и неоднократно разгружал фуры – с продуктами, а однажды с обувью. Да много чего еще переделал – всего и не упомнишь.

Приблизительно, спустя полгода я начал понимать, что мое длительное проживание в этой стране и вот этот порой очень нелегкий труд – как возвращение на Итаку, неспроста. В предшествую-

щем достаточно бедном и унылом прозябании на родине, по моим подсчетам, казалось, мне удалось нарушить не менее половины из десяти божьих заповедей и даже совершить, вероятно, не менее пяти из семи смертных грехов. А мое путешествие, в котором важна не столько конечная цель, сколько мучительно долгая дорога, дано мне свыше в качестве воздаяния. И, как следствие, искупления всех моих преступлений. То есть, именно здесь, проработав их природу, я должен полностью освободиться от пагубного влияния на мою судьбу. И, более не греша, очиститься от всего наносного, и возродиться в новом качестве. Возможно, то же самое сегодня испытывают уже миллионы узбекистанских гастарбайтеров в России?..

К моменту моего приезда в Нью-Йорк я уже знал, что по некоему кармическому или энергетическому закону Вселенной все к человеку возвращается – и добро, и зло. Вопрос только в том, когда – спустя день или месяц, или годы. По моему опыту, в экстремальных ситуациях счет порой идет даже на часы. В этом смысле очень показательным для меня был урок, полученный в моем путешествии с другом за несколько лет до поездки в США. Мы тогда ехали автостопом, а чаще на «собаках», то есть в электричках, из Санкт-Петербурга в Одессу. И вот однажды, уже и не помню, где это случилось, в Беларуси или уже в Украине, нам пришлось заночевать в случайной избушке. В ней жили двое – пожилая женщина и ее сын-подросток, который, будучи инвалидом, все время лежал на кровати. Невзирая на очевидную бедность, они в ответ на нашу просьбу не только приняли нас на ночлег, но и накормили молоком с хлебом. В единственной комнатушке их хаты находилось всего две кровати – хозяйки и мальчика. Она легла вместе с сыном, а мы вдвоем разделили ее спальное место.

Проснувшись в шесть утра, незадолго от отправления с ближайшей станции первой электрички, мы с другом тихонько, чтобы не разбудить хозяев, вышли в сени. Там, долго не размышляя, достали из рюкзака два доллара – единственные деньги, которые у нас были, и засунули их под стоявший на низеньком столике кувшин с молоком. И, не прощаясь, вышли из теплого дома в утреннюю

прохладу и сырость улицы. Затем, проехав в электричке часа три до ее конечной станции, оказались в каком-то поселке. До следующего в южную сторону поезда оставалось часа три, и мы решили выйти на автотрассу. Шли по сельской улице с единственной мыслью – о еде. И тут услышали за спинами стрекотанье велосипедного звонка и окрик: «Ребята, постойте!» Нас нагнал какой-то местный житель. Он стал расспрашивать, кто мы и откуда, куда идем? Мы рассказали. И вдруг: «Вы, наверное, есть хотите?» Еще бы! Тогда этот мужичок лет сорока, в трико и пиджаке, надетом на голое тело, слез со своего велосипеда и начал доставать из заплечной сумки продукты. Две банки тушеники, одну сгущенки, вязанку бубликов, жаренного леща, несколько помидоров и яблок! Все это богатство, которое мы давно не видели, он отдал нам со словами: «Даже и не думайте отказываться, вы должны все это взять, у меня еще много такого!» Вот тогда я впервые оценил закон воздаяния в действии: отдали два бакса, получили еды на пять, не меньше.

Но это из разряда доброты. За пороки свои я тоже ограбал по полной – и дома, и в Нью-Йорке. Например, за нарушение седьмой заповеди и аналогичный смертный грех – блуд, прелюбодеяние. И до женитьбы, и во время нее, особенно во втором случае. То есть, измена жене была для меня нормой, которую я не считал чем-то из ряда вон. Потому что в моем хиппарском окружении так называемая свободная любовь была в порядке вещей.

С восьмой заповедью – «не кради» – тоже не всегда у меня было благополучно. До сих пор мучаюсь тем, что в юности украл у приятеля сумму, эквивалентную ста долларам. И очень сильно тогда переживал, хоть и оправдывал себя тем, что сделал это из чувства голода. Я действительно временами недоедал – своих заработанных денег зачастую весьма ощутимо не хватало. И помню, как, совершив это преступление, первым делом отправился в чебуречную, где наелся до дурноты. Хотя чревоугодием, то есть, одним из смертных грехов, тот случай вряд ли можно назвать. Я же не делал из еды идола, просто утолил естественную потребность.

Но самым страшным, и ранее, и теперь, грехом я считаю убийство. И неважно, кого – человека или животного. Однажды в дет-

стве я с соседским сверстником насмерть забил кошку. Мы играли во что-то во дворе, когда ее заприметили. С каким-то неожиданным для нас обоих остервенением набросились на нее с палками. И стали наотмашь избивать. На наше удивление она не убежала, а металась по кругу в диаметре двух метров. Уже после случившегося я догадался, что где-то рядом могли находиться ее котята. И вот мы били ее, пока она не задергалась в конвульсиях. «Все, издыхает, бежим!», - прокричал мой товарищ, и мы убежали.

Почему мы с ним так поступили с несчастным животным? Вряд ли это истязательство было нам в удовольствие. Как утверждают психологи, ребенок, издеваясь над тем, кто слабее, скорее всего, бежит таким образом от неудовольствия, меняя свое состояние. То есть, у него возникает чувство торжества, часто переходящее в эйфорию – от того, что он может распоряжаться чужой жизнью. Мог ли я тогда предположить, что позже, в подростковом возрасте убью человека?

По подсчету психологов, дети, в среднем, смеются до четырехсот раз в день. В отличие от взрослых, которые на дню веселятся не более пятнадцати. Мне же в детстве, по моим нынешним ощущениям, вообще было не до смеха. Виной этому стала компания малолетних гопников, которые изо дня в день на протяжение многих лет третировали меня с моим братом-близнецом. И из-за которых мы боялись появляться в нашем дворе. Однажды вечером брат пошел выносить мусор и пропал. Домой через пару часов его привели эти же подонки, оставили у двери, нажали на кнопку звонка и убежали. Как выяснилось позже, они завели моего младшего брата в подвал соседнего дома, где все это время над ним измывались, избивая его руками и ногами. Мама вызвала скорую помощь, и помню, врач тогда сказал, что вовремя. Еще немногого, и братишка мог умереть.

С тех пор я без перочинного ножа на улицу не выходил. Как-то зимой, не помню, откуда, возвращался домой затемно. Стоял мороз, и во дворе уже никого не было. Поэтому я решился пройти к нашему подъезду через него, то есть более коротким путем. И вдруг от качелей отделилась темная фигура и преградила мне дорогу. Это был самый ненавистный отморозок из той кодлы, старше меня на год. Без лишних слов он пнул меня ногой под дых, и я, задыхаясь, упал лицом в снег. С трудом поднимаясь, вспомнил про нож, достал его из кармана и замерзшими пальцами с трудом раскрыл. Мой обидчик, в полуслабом виде короткого лезвия и не ожидая от меня никакой опасности, с насмешкой в лице продолжал стоять рядом. «Вот тебе за брата», - прошептал, а скорее, подумал про себя я и что есть силы ткнул ему в шею. Из нее толчками, как из водяного пистолета, начала выстреливать черная кровь. Парень, хрюкая и цепляясь руками за воздух, упал навзничь. Я же с открытым ножом в руке побежал к своему дому. Уже около подъезда отер его о снег, закрыл, опустил в карман куртки и, не помню, как, поднялся на свой четвертый этаж. На следующий день ужасная новость о смерти того ублюдка облетела весь двор. Сотрудники милиции опрашивали всех соседей, заходили и к нам, но убийцу так и не нашли. С тех пор прошло почти сорок лет, но вот за это преступление мне не совестно по сей день.

По неписаному закону воздаяния, и со мной тогда или позже в США могло произойти нечто подобное. Не случилось. Возможно, высшему разуму достаточно было тех смертей, с которыми мне довелось столкнуться в Нью-Йорке. Тем более, что каждую из них я переживал, как что-то очень личное. И потом, очевидно, что тут большое значение имеет наличие или отсутствие чувства вины за содеянное. «Ибо, каким судом судите, таким будете судимы, и какой мерой мерите, такой будет вам отмерено». Я же по-прежнему считаю, что тот парень получил по заслугам то, что ему было предназначено свыше.

А может, того убийства и не было вовсе – оно лишь приснилось мне или привиделось в моих мечтах-фантазиях? И тогда, выходит, в отношении человека я не нарушил заповедь «не убивай»?

Да нет, если мысленно это произошло, то и преступление совершилось. Тут можно провести аналогию с высказыванием Иисуса в его Нагорной проповеди: «Я же говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с любострастием, уже соблудил с нею в сердце своем». То есть, даже мысленное помышление о блуде, прелюбодеянии и есть таковое. Выходит, как ни крути, я – убийца. Во всяком случае, по отношению к маме-кошке. Тем более, что за нее совесть не отпускает меня до сих пор. И, как знать, может, однажды за это и я отвечу перед Вселенной?..

IX

«Бросай все и бегом в туалет!» - шепнул мне на ухо в самый разгар новогодней ночи мой официант Гоша. В начале каждой смены в ресторане «Чинар» порядок работы басбоев менялся: официанты сами между собой распределяли, кто из нас у кого будет в подчинении. И в этот раз моим начальником стал бывший одессит.

Новогодняя ночь всегда была особенной – и по большему объему работы (с двенадцати дня до последнего клиента, то есть, скорее всего, до пяти-шести часов утра) и, соответственно, двойному гонорару. Об этом мне поведали местные старожилы. И, если за обычную смену басбою удавалось заработать, в среднем, по семьдесят пять долларов, то эта ночь мне сулила аж сто пятьдесят. Таких денег за день или ночь работы я более нигде в США не получал.

Примерно раз в неделю в конце смены мне приходилось работать в туалете. И этот труд был не из самых приятных: «счастливчику» из басбоев нужно было выскооблить унитазы от остатков фекалий и, если «повезет», полы и стены от блевотины. А таковая

время от времени случалась. И плевать, что у тебя два высших образования за плечами. Если офицант приказал, пойди и сделай.

Но это, если и выпадало, то после основной работы, когда последний клиент, наконец, выкатывался за дверь ресторана. И все басбои принимались вылизывать банкетный зал и другие помещения к следующему дню. Поэтому приказ Гоши бежать в туалет часа за два до наступления нового года меня удивил. Помимо него, там уже находилось несколько басбоев. Плюс, оба владельца ресторана и хозяин одного из банкетов. Как выяснилось, его друг – мужчина лет пятидесяти – вскрыл себе вены. Как и чем он это сделал, догадаться было не трудно: неподалеку от трупа на полу валялись окровавленные осколки бутылки от водки «Смирнофф».

Самоубийца лежал животом вниз поперек унитаза, так что лица его не было видно. Только спина в белой рубашке и распластанная по полу рука с закатанным рукавом, из которой набежала объемная лужа почти черной крови. Почему он покончил с собой? Это удалось узнать только под утро от заказчика банкета, когда тот расплачивался с офицантом.

Как выяснилось, Алексей (так звали покойного) переехал в Нью-Йорк из Саратова за полгода до случившегося. С третьей попытки получив грин-карту, поначалу он чувствовал себя счастливым. Ну а как же иначе? На родине он был инженером с более чем скромным окладом. Мужчина с женой и двумя детьми жил в однокомнатной клетушке на окраине города. Как будто отбывал некую бесконечную повинность. А тут такая удача с перспективой воплощения великой «американской мечты». Приехал, арендовал на скопленные за всю жизнь деньги «тубедрум», то есть, трехкомнатную квартиру. Вскоре выяснилось, что его диплом здесь не котируется. И лучшее, на что он может претендовать, – работа на стройке. Пытался выучить английский язык, не получилось – в пятьдесят лет это не каждому по силам. Но это ладно – в Бруклине, особенно на «русском» Брайтон-бич, можно прожить всю жизнь, не зная другого языка. Да и работа не по специальности не сильно напрягала. Главное, руки-ноги целы, а все остальное приложится. Но однажды он узнал, что жена – сорокалетняя красавица – снюхалась с одним из его друзей. Как раз с тем, что пригла-

сил его вместе отпраздновать новый год. Разумеется, в ресторан пришел со всей семьей. Посидели, выпили, и жена пошла танцевать «медляк» с другом. А тот, вот же сволочь, начал с нею целоваться прямо на глазах у его детей. Этого Алексей уже не снес и решил свести счеты с жизнью...

«Что теперь с ним делать?» - подумал я. «911», конечно, уже вызвали, и Гоша предложил вынести тело на улицу через бэкярд (задний дворик с мусорными баками), благо выход на него был рядом с туалетом. Главное, осуществить это тихо и незаметно для других гостей, чтобы не испортить им праздник. Накрыв Алексея чистой скатертью, мы с тремя басбоями подняли его за руки, за ноги и очень быстро отволокли на улицу, где уже поджидали машины скорой помощи и полицейских. Со стороны, должно быть, наша операция выглядела так, как будто мы тащим тушу ягненка. Хорошо еще, нам удалось не вымазаться в крови – сменной форменной одежды ни у кого из нас не было. Не знаю, как хозяева ресторана договорились с полицией – дело-то нешуточное. Мало ли, вдруг это был не суицид, а убийство. Но, видимо, деньги решили все.

Вернувшись в зал, я занялся привычной работой, сменяя на столах грязные тарелки на чистые. И, вроде бы, все было как обычно, только руки после пережитого заметно тряслись. «Эй, мальчик, - окликнула меня пожилая грузная дама – одна из гостей банкета, что был в моем обслуживании. – Принеси-ка мне эспрессо». Что делать – сходил в бар, приготовил, как учили, этот крепкий кофейный напиток, принес. «Ах ты дрянь! - на весь ресторан басом завопила женщина и выплеснула почти раскаленное содержимое своей чашки мне на форменную жилетку. – Я что тебя просила – эспрессо! А ты притараниил американо – это до неприличия разведенное местное пойло!» «Хорошо, что не в лицо», - только успел подумать я. Тотчас между мной и скандалисткой вырос

Гоша. «Смойся к другому столу», - прошипел он и начал извиняться перед нею за мою оплошность.

«Ну все, теперь уволят, - думал я, разливая «Смирнофф» по рюмкам гостей за соседним столом. – И главное, за что? Эх, разбить бы сейчас эту бутылку о ее пьяную башку и потом...» В тот же миг на мое плечо сзади опустилась чья-то тяжелая рука. Та самая дама силой развернула меня к себе и со словами - «Ах ты, писончик» - обхватила толстыми руками мою шею. Затем, причмокнув, впилась своими пухлыми, измазанными в оливье губами мне в щеку. Насколько хватило сил, я оттолкнул ее. А она, не размыкая объятий, принялась гоготать все тем же низким голосом. Неожиданно на помощь подоспели два басбоя, которые, не без труда оторвав женщину, вежливо, с извинениями усадили ее на место.

«То ли еще будет, - размышлял я в маленьком закутке за баром, куда Гоша спровадил меня “от греха подальше”, когда нескольким гостям тоже захотелось выпить кофе. Там стояла машина для его приготовления, и мне было поручено заварить сразу большой кофейник. - Что ждет меня в будущем году? Сколько еще предстоит вынести на этой по-прежнему чужой земле унижений, пока, наконец, не вернусь домой? А там – чем стану зарабатывать, когда скопленные деньги закончатся?»

Тогда я даже и не догадывался, что через год после возвращения стану журналистом. Однажды, когда от моих накоплений не останется и следа, и мне придется распродавать кое-какие вещи, приобретенные в Нью-Йорке, мне позвонит друг. Планируя уволиться из газеты, где работал выпускающим редактором, он, по условию своего руководства, должен был найти себе замену. Знал ли я, что, спустя несколько лет, майским утром мне позвонит коллега и заговорщическим тоном прошепчет: «Кажется, началось».

В тот же день в провинциальном городке Ферганской долины случится трагедия, которую ранее, живя в США, я и представить себе не мог. На центральную площадь Андижана выйдут тысячи его жителей, которые, устав от произвола властей, примут участие в стихийном митинге. А затем туда же со всех сторон въедут БТРы, которые откроют по толпе беспорядочную стрельбу. И в этой бойне

погибнут сотни людей. Я же стыдливо буду сидеть в редакции и, принимая звонки от друзей, успевших добраться до этого города, выкладывать на сайт их короткие, почти пулеметные, сообщения. А затем из моей страны будут изгнаны почти все западные, включая американские, организации. И многие мои коллеги обретут новый дом на чужбине, где, не владея языками, потеряют свою профессию. И станут таксистами, малярами, плотниками, грузчиками, уборщиками, поварами, стриптизершами, свидетелями Иеговы, басбоями... Но все это будет потом, когда-то потом...

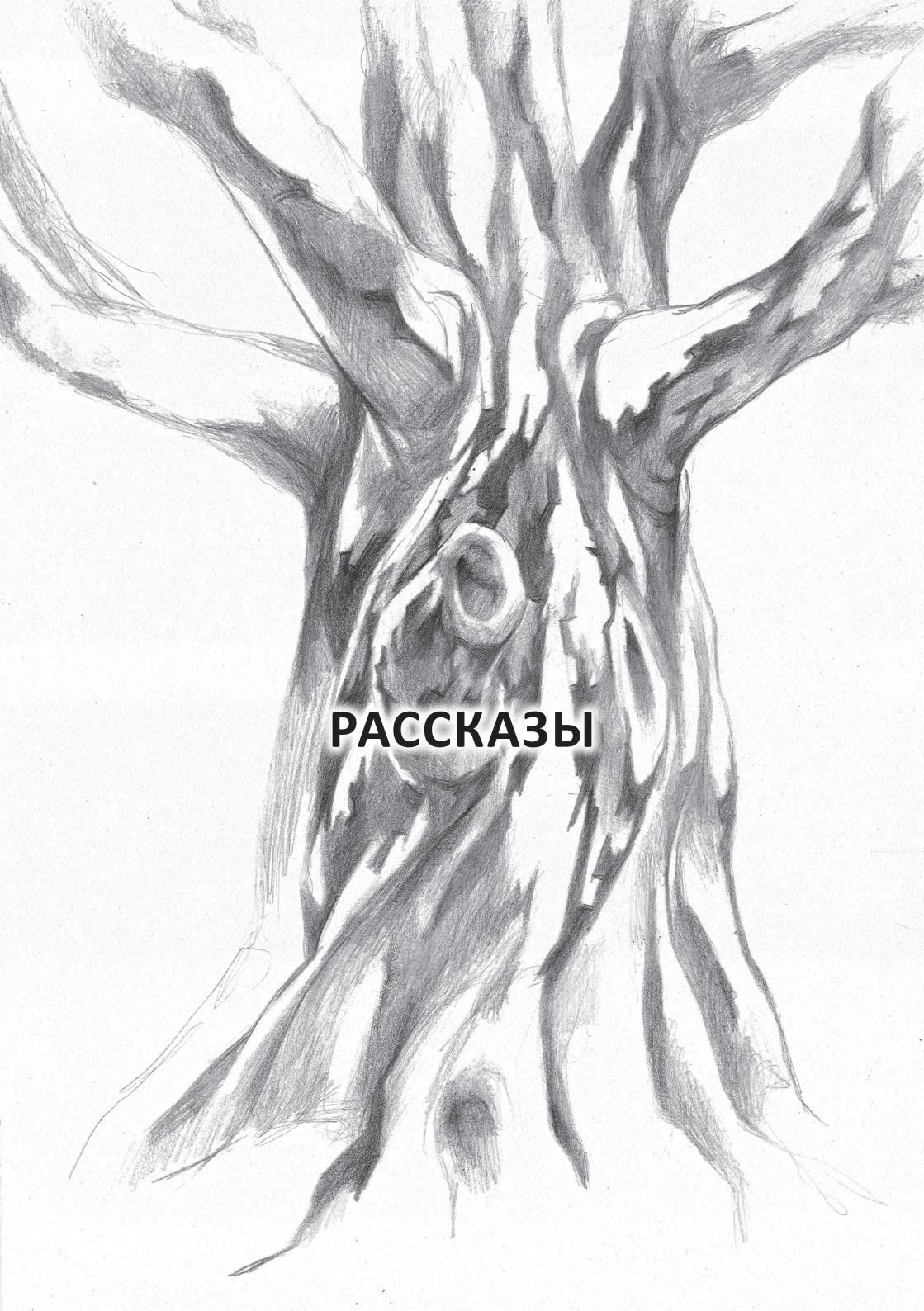
...Наконец, время приблизилось к полуночи. Я стоял за спинами гостей с бутылкой шампанского наготове, когда музыканты включили запись боя московских курантов. Открыв вино и разлив его по бокалам, вконец обессиленный и опустошенный я отошел за ближайшую колонну. И там, никому не видимый, заплакал.

Из глаз текли обильные соленые струи, которые затекали в рот и на вкус, как мне казалось, смахивали на кровь. Вместе с этим потоком из меня с содроганиями выливалась вся скопившаяся за месяцы моего переживания здесь обида. На себя, на тех немногих друзей, что были рядом, но помочь мне не в силах. На всех, кого так долго со мною нет и, наверное, больше никогда не будет. И чудилось, что уже ни капельки не больно. И, вместе с тем, никогда не станет так горько. Бой часов смолк, начинался новый век...

2024-2025 гг.

*«Две вещи на свете наполняют
мою душу священным трепетом:
звёздное небо над головой
и нравственный закон внутри нас...»*

Иммануил Кант.

РАССКАЗЫ

Встреча

Сегодня мне представилось, что у меня неожиданно объявился сын. От этой мысли внизу живота слегка потянуло вниз, как бывает, когда раскачиваешься на качелях-лодках. И появился зуд в мозгу: немедленно эту фантазию развить – очень уж интересно.

Итак, сын... От кого? Перебираю в памяти всех своих бывших. От одной его точно быть не могло, от другой – тоже. А может, от третьей? Нет-нет, исключено – я ведь предохранялся. И из всей отнюдь не маленькой цепочки вдруг отчетливо проявляется только одно звено – Юля.

Помню, связь была случайной – в чьей-то маленькой квартире на полу, на курпаче. Рядом в темноте на таких же ватниках похрапывал (или кто-то лишь делал вид?) с десяток моих полуспящих друзей. И ведь в начале вечера я даже и не смотрел в ее сторону. Просто, когда погасили свет, мы оказались рядом. Протянул руку – она ее не оттолкнула.

Почему именно Юля? Да потому что только она, спустя очень непродолжительное время, может, всего пару месяцев, внезапно из тусовки испарилась. И я даже не интересовался, куда же она делилась. Возможно, кто-то из друзей и знал, но меня тогда это совершенно не волновало. Ни одна другая из знакомых мне женщин так безвестно не исчезала. И если бы какая-то из них забеременела, и я, и все друзья об этом тут же узнали. Поэтому матерью моего сына могла быть только она.

Та ночь случилась приблизительно двадцать два года назад, не задолго до моей женитьбы. Стало быть, моему сыну сейчас вполне может быть двадцать один год. Еще одному моему сыну будущей осенью столько же только исполнится. Поэтому Юлин – старший.

И вот он... Нет, не является неожиданно через дверь. Предполагаю, что Юля перебралась в Россию, как впоследствии большинство из нашей тусовки. Стало быть, он может мне либо позвонить, либо написать – в одном из мессенджеров. Думаю, на звонок он вряд ли решится. Значит, отправит мне письмо.

С чего вдруг? Предположим, поинтересовался у своей мамы, а кто и где его отец. И она вдруг честно все ему рассказала. Назвала

мое имя. А фамилию он, конечно же, носит мою. Возможно, сама нашла меня в сети и показала ему мой аккаунт: фотографии, посты... И вот он мне пишет: «Здравствуй, папа...»

Так, теперь необходимо нарисовать его образ. Как же моего сына звать-то? Вернее, как бы я хотел назвать еще одного своего ребенка, если бы он родился? Руслан, Тимур – банально. Так своего сына я бы никогда не назвал. Имя Булат уже занято. А, впрочем, чего гадать? Конечно же, Юля его назвала в честь меня. Саид Саидович – смешно...

Далее: школу мой тезка, разумеется, давно окончил, затем... Нет, не музучилище – профессия пианиста тоже занята, моим младшим. И не театральное – этот балласт на мне. Ну, пусть он окончит художественное училище. Или уже институт? Тогда пусть учится курсе на третьем или четвертом художественного вуза. Значит, тоже человек творческий. Ну а как же – гены.

Что еще? Думаю, он весь в меня – высокий, худощавый, носит длинные волосы. Очки? Нет, пусть будет физически полноценным. Или наоборот? Для яркости конфликта? Скажем, инвалид детства. И вообще – очень болезненный парень. Нет, пусть будет здоровым и талантливым ребенком. А то ведь меня совесть замучает. Хотя она уже и так начинает нервно дышать мне в затылок...

И вот он пишет: «Привет, папа». Я тут же отвечаю: «Привет. А ты кто?» Он: «Я – твой сын». А я уже вижу, что зовут его, как и меня. Даже фамилии совпадают. Тут же открываю его аккаунт, пробегаюсь по фотографиям: на одной – только лицо, на другой – вся фигура. Похож ли? Вроде бы, да, похож. Что-то еще есть в его лице, но это, понятно, от его мамы. Вспоминаю ее черты. Той девчонки, которой тогда было не больше восемнадцати. И начинаю верить: да, это мой отпрыск. Хотя, конечно, все это невероятно.

«Ну, привет и тебе, тезка», – пишу. Глупо спрашивать, как он меня нашел. Разумеется, поначалу интересуюсь, кто его мать. Поняв, что она – та самая Юля, продолжаю выяснять, сколько ему лет, как у него дела, чем он занимается. Кроме всего, выясняется, что живут они не в России, а в Украине, скажем, в Одессе, где я бываю каждый год. Мог ли я раньше это предположить?..

Потом он, вероятно, те же вопросы задает и мне. Ему очень приятно узнать, что у него есть младшие брат и сестренка. Рассказываю и о них. Между делом разглядываю фотографии его живописных или графических работ, а может быть, инсталляций. Про себя отмечаю: молодец – талантливо.

Можно, конечно, пообщаться и голосами с видео – предлагаю ему это сделать. Но он пишет, что ему уже пора выходить из дома. Спрашиваю – куда? А он мне хуком в челюсть: «В аэропорт. Собрался побывать на родине моей мамы. Ну и на твоей тоже». И добавляет: «Примешь?..»

Наутро я встречаю Саида в ташкентском аэропорту. Прибытие его самолета давно высветилось на табло, и я полчаса с уже привычной тягой внизу живота вглядываюсь в лица всех выходящих из-за стеклянной двери. Ну вот, это, кажется, наконец-то, он. Точно – он... Причем, копия меня!

Или это я сам показался вон там, метрах в двадцати от разделятельного забора? И теперь, неуверенно озираясь по сторонам, иду навстречу себе? Еще секунд десять, и выйду в город. Как быть: просто крепко пожать руку или обнять?.. А может, молча и уверенно пройти мимо?..

Высокий, худощавый, поседевший мужчина продолжает идти мне навстречу...

2018 г.

Кинозарисовки

Ар Мегиддо

Действие всего короткометражного фильма происходит в провинциальном городке, в частном доме и его дворе в течение одного вечера, ночи и последующего утра. Начинается он с того, что двадцатилетний парень Умид приводит в свой дом восемнадцатилетнюю девушку Умиду – для знакомства с матерью. Отца у парня нет – он погиб в середине восьмидесятых годов прошлого века в Афганистане, и сын его никогда не видел. Но это проясняется в середине фильма.

Первая сцена. Парень с девушкой стоят перед воротами его дома в некоей нерешительности, потому что совсем рядом, на площади, творится что-то странное: слышен шум толпы и отдельные выкрики людей («До каких пор?», «Сколько это может продолжаться?»...). И вот молодые люди в замешательстве: звонить в ворота или сходить на площадь, чтобы разузнать, что там происходит, а знакомство с матерью отложить на другой день. Наконец, парень все же решается позвонить, потому что мать предупреждена и ждет их. Звонят, дверь открывается, молодые люди заходят во двор. Умид запирает за собой дверь, и далее тут же происходит знакомство-представление друг другу. Пятидесятилетняя мать приглашает девушку в дом.

Вторая сцена. Все трое садятся за традиционный дастархан с угощениями. Начинается разговор: мать расспрашивает девушку о ней, ее семье, сын тоже, как может, поддерживает разговор, вставляет отдельные реплики, типа: «Ну, мама, я вам уже об этом рассказывал». Но мать все хочет услышать от самой девушки. Когда расспросы заканчиваются, женщина с тревогой спрашивает у сына: «А что там на улице происходит?» Он отвечает, что сам толком ничего не знает, но вроде как на площади собрался народ, который чего-то хочет. Тут за окнами слышны: сначала звуки летающего вертолета, затем пулеметные очереди БТРов. Все трое вскакивают со своих мест. Парень говорит, что выйдет – посмотрит, что там за выстрелы. Мать с девушкой начинают его отго-

варивать, но он пытается настаивать на своем. Выходит во двор.

Третья сцена. Сын идет через дворик дома к воротам, мать с девушкой бегут за ним. Происходит конфликт: мать, крича и чуть не плача, уговаривает Умиду не выходить. Звуки пулеметных очередей не прекращаются, параллельно слышны отчаянные крики людей. Пожилая женщина, схватив сына за руки, в том числе кричит ему про его отца, которого она потеряла на войне, и не хочет теперь лишиться еще и единственного ребенка. Он в ответ кричит ей, что уже не маленький, хозяин в доме и сам отвечает за свои поступки. Это противодействие длится до тех пор, пока девушка не выкрикивает, что Умид должен остаться хотя бы ради нее. Эти слова его немного успокаивают, он как будто сдается и идет назад в дом, мать и девушка плетутся за ним.

Четвертая сцена. Все трое вновь входят в дом. Мать вспоминает, что на кухонной плите у нее уже созрел плов, и просит девушку сходить туда – выключить газ. Сама не идет, потому что боится, что сын все-таки убежит, уговаривает его вновь сесть за дастархан. Он с тревогой смотрит на дверь, за которой по-прежнему слышны выстрелы и крики людей. Мать тоже со страхом в глазах прислушивается. Спустя несколько минут на пороге комнаты появляется Умид с ляганом плова, ставит его на низкий стол и приглашает всех к нему. Рассаживаются. Сцена ужина крайне невеселая. Молча, неохотно начинают есть: мать руками, молодые ложками. Все это очень медленно, через силу – под звуки пальбы. Сцена, в общем-то, довольно сюрная: за окнами явные признаки войны, а здесь эти трое, пусть неохотно, но едят. Тут пальба резко стихает, все прекращают есть и со страхом смотрят на дверь. Мать с надеждой в голосе произносит, мол, неужели все закончилось? Сын спрашивает: может, теперь он выйдет? Она ему категорически: нет! Умид с неохотой, но покорно замолкает. Девушка нерешительно говорит, что ей надо бы домой. Мать возражает: останешься у нас. Умид охотно соглашается, потому что и сама боится выйти на улицу. Говорит, что позвонит домой и предупредит родных, что не придет, достает из сумочки телефон. Набирает номер, разговаривает, из слов девушки понятно, что ее мать только рада, потому что переживает за дочь.

Пятая сцена. Ночь. Тишина, прерываемая редкими одиночными выстрелами и тут же следующими за ними короткими криками боли кого-то за пределами дома. Вероятно, кого-то добивают. Парень сидит один в полутьме своей комнаты, на курпаче, расстеленной на полу, задумчиво смотрит как будто внутрь себя. Довольно длинный общий план (зрители видят освещенный мягким светом из-за окна интерьер комнаты, ее детали: письменный стол, в углу сундук, на нем курпачи, на стенах фотографии – сына, матери с сыном, отца в военной панаме времен войны в Афганистане). Умид берет мобильный телефон, задумчиво смотрит на черный экран. Включает его. Камера показывает пальцы Умida, которые ищут чей-то номер, потом нажимают на вызов и кнопку громкой связи, слышны длинные гудки, но никто не отвечает. Юноша сбрасывает вызов, находит другой номер: вновь длинные гудки. И так еще раза три-четыре – результат один и тот же. Он выключает телефон и задумчиво смотрит на дверь. Крупный план его лица, по которому текут слезы. Зритель понимает, что, вероятно, никого из друзей парня нет в живых.

Шестая сцена. Раннее утро, за окнами брезжит синий рассвет, слышны голоса петухов. Умид по-прежнему сидит на курпаче. Очевидно, что в таком положении он без сна провел всю ночь. Медленно поднимается на ноги и выходит за дверь. Двор. Парень направляется к деревянной лестнице, ведущей на крышу дома, медленно поднимается по ней. Вот он стоит на крыше и с тревогой смотрит на улицу за воротами. Зритель не видит то, что видно ему, потому что камера постоянно направлена на него. Слышны звуки проезжающих мимо ворот явно тяжелых машин (грузовиков, БТРов, танков – одного за другим). В кадре появляется женская рука, которая робко касается руки парня, затем вся фигура девушки. Умид обнимает парня, уткнувшись лицом ему в грудь. Он продолжает смотреть на улицу. Она поворачивает голову и тоже смотрит в том же направлении. Крупный план ее лица – в глазах страх, граничащий с ужасом. Зритель только догадывается, что они видят: кроме техники, возможно, трупы многих людей. Камера медленно поднимается над головой девушки и показывает крупно лицо парня, по которому непрестанно текут слезы.

Юноша беззвучно плачет – в эту ночь, возможно, он потерял всех своих друзей. Далее общий план парня с девушкой со стороны их спин. Они стоят, взявшись за руки. Фронтальный план лиц молодой пары – на них медленно наползает солнечный свет. Оба грустны и задумчивы. Долгий финальный план поднимающегося над горизонтом солнца. Наступает новый день.

Овца

Полдень, Алик сидит в душном полупустом кинозале дома культуры, куда зашел, чтобы как-то скоротать время в ожидании жены. И где только что закончился нашумевший фильм известного режиссера «Агнец божий». В задумчивости встает и медленно идет к выходу, на свет. «Где же она?», – размышляет он, и мы слышим этот его внутренний голос, звучащий как бы за кадром. И понимаем, что весь фильм он думал именно об этом, а не о его содержании.

Алик выходит на улицу, оглядывается по сторонам и вдалеке видит ее. Обрадованный зовет ее по имени, но она не слышит. Выкрикивает ее имя, но она, как будто по-прежнему его не слыша, заходит в тот же дом культуры со стороны кассы, метрах в семидесяти от выхода из кинозала. Алик начинает бежать, боясь ее упустить, и мысленно уже готовый вновь зайти в зал на следующий сеанс того же фильма, следом за нею.

Добегает, буквально влетает в фойе, где по стенам развешана реклама этой кинокартины, и видит ее, разглядывающую висящий на стене плакат. Он вновь, но уже вполголоса, зовет ее по имени, и она, наконец, оборачивается. Смотрит на него как будто удивленно и в то же время виновато. Алик стоит в трех метрах от нее и все не может отышаться после непривычной для него пробежки. И тут видит, что она не одна – в метре от нее стоит некий парень, спортивно сложенный, да и в целом хорош собой, и тоже смотрит на него.

- Ты где была? – спрашивает Алик.
- Да вот, в кино собралась, – отвечает она.
- Я тебя искал, звонил, но телефон твой выключен.

- Да, прости, я недавно выключила звук, - она приближается к нему. Поначалу долго молчит, а затем, перехватив его взгляд в сторону парня, выдавливает из себя:

- Знаешь, я...

Он ловит себя на мысли о самом худшем, что могло бы произойти в его жизни, и молча покорно ждет продолжения.

- Я... купила рис... два кило.

«Какой к черту рис!», - думает он и, обращаясь к ее спутнику, спрашивает:

- А ты кто такой?

- Я – Зафар.

- Ах да, что-то о тебе слышал. Надеюсь, ты понимаешь, что в кино с нею не пойдешь? - он говорит медленно, как бы отмеряя каждое свое слово. – Ты знаешь, кто я такой?

- Да, знаю.

- То есть, ты знаешь, что я ее муж?

- Да, - он также смотрит на Алика, как будто чувствуя свою вину и поспешно отводя свой взгляд от него в сторону.

- Так вот, сейчас ты уйдешь. И если я еще раз тебя увижу или хотя бы услышу о тебе, ты умрешь. Не фигурально, а по-настоящему я тебя убью – ты это понимаешь?

- Да, понимаю...

«Как же ты исчезнешь, если учишься с нею на одном курсе?» - думает Алик.

- Пшел отсюда, - выдавливает он из себя, и Зафар, прижав голову к груди, тут же поспешно удаляется прочь, из полуутеса фойе в сторону яркого света улицы. Алик переводит взгляд на жену и очень медленно, буквально по слогам:

- Ты и его собирались пригласить на плов?.. Мне больно... Ты понимаешь, как мне больно? – поворачивается и, пошатываясь, медленно идет к выходу.

Через несколько секунд она догоняет его, крепко обнимает и быстро-быстро шепчет ему на ухо:

- Прости, прости меня, любимый, прости...

Он останавливается, приваливается к стоящей на пути к выходу колонне и смотрит в сторону улицы и ослепляющего света, куда

теперь глядит и она. В этой позе они молча стоят долго-долго, теперь уже смотря как будто в себя, каждый внутрь себя...

Она подходит, нет, подкрадывается ко мне, по утрам, как обычно, сидящему на табурете перед компьютером. Мягко обнимает сзади, принимая мою сгорбленную спину и как бы становясь со мной одним целым. Затем обмякает на мне, подогнув колени, и вместе мы – как один вопросительный знак.

- Знаешь, я бы хотел, чтобы ты вот так, как сейчас, всегда была со мной, - шепчу, будто боясь вспугнуть.

- Почему? – также шепотом.

- Потому что ты – надежный тыл, который никогда не подведет, не предаст.

- Я тоже хотела бы...

- Ну, так... - не договариваю слова «давай будем».

- Так, - шепчет утвердительно, что по-украински означает – «да».

Поворачиваю голову к ее, лежащей на моем плече, и наши дыхания крест-накрест встречаются.

- Навсегда?

- Навсегда...

Предтеча

- Ну, что, еще по одной и спать? – говорит один из Аяксов, обращаясь ко второму. Но тот уже, кажется, его не слышит, откинувшись в тяжелом продавленном кресле. «А, ладно, дрыхни, а я уже допью то, что есть – все равно завтра домой», - думает первый и выливает в гостиничный, видимо, еще советский граненый стакан то немногое, что оставалось в бутылке.

«Двумя Аяксами» друзей прозвали еще на журфаке Ташкентского универа два десятка лет назад – за их неразлучность. Преподаватели периодически так и спрашивали их однокурсников: «Ну, а где эти Аяксы, снова в творческих мухах?»

Потом более успешный из них стал собкором одного из «вражеских голосов», как после случившегося в этой командировке вла-

сти назовут все западные СМИ, а второй был на вольных хлебах. Поэтому первый всегда брал в поездки по стране второго – для компании в совместных попойках. Да и просто для ночных бесед на извечные для мужчин среднего возраста темы – о куда-то испарившейся молодости, бабках, которых вечно не хватает на семьи, и бабах.

Вот и этот раз они вместе приехали в этот областной городок, где подходил к концу суд над несколькими его одиозными жителями – будто бы террористами. Ну, что же, репортаж об этом событии уже отправлен в редакцию через «скрипящий» вай-фай дешевой гостиницы, более здесь ловить нечего. Друзья хотели вернуться домой еще утром прошедшего дня, но начальство велело задержаться еще на денек – на всякий пожарный. Будущим утром Аяксы решили все же ехать, пока здоровье еще позволяло.

«Скоро светает, и надо хотя бы пару часов поспать, а то потом в тесном такси это будет затруднительно», - подумал более стойкий Аякс. Прилег на одну из двух кушеток, укрылся застиранным, пропахшим хлоркой покрывалом и закрыл глаза, надеясь уснуть. И тут же до его слуха донеслись отдаленные хлопки, как ладонь о ладонь. Затем раздался как будто бы гром, тряхнул его лежбище так сильно, что тут же прогнал всякий сон. В тот же миг проснулся и второй Аякс, вскочил с кресла, над которым маятником туда-сюда ходила пыльная люстра.

- Что за хрень? – спросил он. Прежде ни тот, ни другой никогда в реальности не слышали ни автоматных очередей, ни разрывов гранат.

- Гроза, наверное, давай еще поспим, - ответил первый, уже сидящий на кушетке. Но странные хлопки, уже где-то совсем рядом, продолжились. Плюс, по дощатым полам коридора за дверью номера раздался топот чьих-то многочисленных ног, а затем истошные женские крики - «Вай дод!»

Коллеги, подхватив свои рюкзаки, выбежали в коридор гостиницы, по которому хаотично бегали ее все еще полусонные постояльцы. Аяксы, тоже пока мало что понимая и периодически наталкиваясь на соседей, стали проридаться на улицу.

Там уже было довольно много горожан, которые стояли группами по два-три человека и, озираясь по сторонам, вполголоса обсуждали происходящее. Некоторые шли к центру города, куда тотчас направились и журналисты.

Там на асфальте у памятника средневековому завоевателю в черных лужах уже лежали десятки людей. Повсюду слышались женские крики и мужские стоны. Время – нет, не остановилось, как написал бы классик, оно оголтело полетело куда-то вниз, будто также прибиваясь к асфальту. Солнце, наоборот, буквально взлетело вверх, мгновенно осветив кровавым светом лица сотен, тысяч кричащих граждан.

То и дело с разных сторон раздавались автоматные очереди. Уже не оставалось никаких сомнений, что велась всамделишная стрельба. Несколько позже на центральную городскую площадь с разных ее сторон выползли БТРы, которые накрыли толпу прицельной пальбой из пулеметов.

Потом, ночью, когда небо на город обрушит потоки воды, тела будут в неизвестном направлении развозить грузовиками, десятками грузовиков. Но Аяксы этого не увидят и об этом уже никогда не узнают. Они стояли в самом центре площади, пытаясь разобрать суть выкрикиваемых лозунгов на так и не ставшем для них родным и понятным языке. И вот тогда одного из Аяксов пуля настигла через его рюкзак, пробив перед этим служебное удостоверение и угодив в печень. Второго сбросили на асфальт сразу две пули: одна со спины протаранила его сердце, вторая сбоку через висок раскрошила череп. Но это было только начало потерянности и безысходности, в которые вся страна погрузилась на долгие годы...

Марьям

- Я хотела тебе сообщить, что решила подать в российское посольство документы на программу переселения.

- То есть, ты хочешь лишить меня еще и Искана?

- Ну, почему же лишить? Вы всегда сможете общаться, как и прежде.

- А уезжать обязательно?

- Да, ты и сам знаешь, что здесь у меня нет никакого будущего. И у сына нашего тоже.

- Послушай, неужели после всего нами пережитого для меня в вашей жизни совсем уже нет места?

- Ну, почему же, конечно, есть. Но ты ведь не захочешь отсюда уезжать?..

В летний знойный вечер мы сидели в кафе в центре города и пытались остыть себя мороженым. Не помогало: тема нашего разговора была слишком уж горячей, во всяком случае, для меня. Особенно после ее сообщения о готовящемся переезде. Поскольку получалось, что все мои попытки последних месяцев вернуть жену с сыном совершенно напрасны.

С Машей мы расстались, а затем развелись более пяти лет назад. Причиной стала измена. Сперва с ее стороны: кратковременно, в рамках промышленной выставки, служа переводчицей у одного араба, она начала с ним встречаться, как говорится, в нерабочей обстановке. Правда, по ее уверениям, «физически бесконтактно». А затем и с моей – тоже лишь на уровне романтических свиданий. Впрочем, возможно, порядок был иным: не она, а я первым завел отношения на стороне. Не исключено, что наши приключения начались одновременно, что, в общем-то, не столь важно.

Поначалу она никак не могла примириться с разводом и все тянула с возвратом ключей от моей квартиры. А недавно и я вдруг понял, что не могу жить без своей семьи. Поэтому вновь начал ухаживать за Марьей. Причем, с такой активностью, как будто мы только что познакомились, и никогда не было между нами брака, а затем шести лет совместной жизни. Почти каждый день мы с нею встречались и ходили в кино, по театрам и кафе. Порой просто гуляли по заповедным уголкам нашего города, открывая их для себя, а заодно и заново друг друга. Иногда я пытался сблизиться с нею еще и по-мужски, но всякий раз получал мягкий, но решительный отказ. Возможно, поэтому, когда всякий раз на просмотре какого-нибудь фильма или концерта у меня возникало желание взять Марьем за руку, на меня, как в юности, нападало предательское стеснение. И я до конца вечера так и не решался это сделать.

Я и прежде предполагал, что рано или поздно она захочет отсюда уехать. Но не в экспансивную Россию, а куда-нибудь подальше на Запад. Благо, знание языков позволяло. Сам же никуда уезжать не собирался, поскольку ни в одной стране, где ранее бывал, не чувствовал себя настолько комфортно, как дома. Но теперь, раз иного пути нет, я решился:

- Ну, а если я поеду в Бишкек и там в УВКБ попрошу статус беженца? Ты же знаешь, мне его наверняка дадут, как и всем моим коллегам, которые в последние годы уехали из страны. Тогда вы смогли бы приехать ко мне, мы бы вновь расписались и жили вместе. Как тебе такое предложение?

После андижанской трагедии из моей страны, вслед за многими западными организациями, было изгнано и Управление Верховного комиссара по делам беженцев. И теперь ближайшее к Ташкенту его представительство находилось в Бишкеке. С тех пор многие журналисты и правозащитники уехали в этот город и там, спустя несколько месяцев, получили статус, и затем их приняли либо в США, либо в разных странах Европы. Я, как и они, тоже время от времени получал недвусмысленные «звоночки» – то один суд, то другой. Но все равно родина меня не отпускала. А сейчас, похоже, другого выбора не было.

- Если ты пойдешь на это ради нас, то, конечно, мы к тебе приедем, - согласилась Марьям.

Через полчаса мы стояли в подъезде ее дома и целовались. Теперь мне позволялось все или почти все. И тут неожиданно она прошептала:

- У меня есть прекрасная коллекция лютневой музыки шестнадцатого века.

То есть, произнесла фразу из известного нам обоим фильма, означающую повод пригласить к себе домой – заняться любовью. В той картине эти слова прозвучали из уст героя-мужчины. А тут я услышал их от женщины, да еще и моей бывшей жены – это было неожиданно и, возможно, поэтому потрясающе. Тем более, для меня, мечтающего о новой близости последние несколько лет. Я знал, что наш сын гостит у моей мамы, а значит, ее квартира

пуста, и нам в эту ночь никто и ничто не помешает. Глядишь, и удастся зачать еще одного ребенка. А там уже точно – куда ж они без меня?

Еще две минуты, и мы уже в спальне ее отчей квартиры. Она включает ночник и тут же раздевается, я тоже. Ложимся, обятия, поцелуи, и тут я понимаю, что у меня ничего не выходит. Так у мужчин бывает, когда либо очень пьян, либо в большом стрессе, либо просто отвык. Второе и третье – как раз про меня. Пять лет я мечтал об этой ночи, и тут – такая засада. И, как назло, даже четверушки таблетки силденафилы под рукой не оказалось. Кто ж мог предположить, что именно сегодня мы окажемся в одной постели? От досады, а главное, понимания, что вот сейчас все прежние отношения между нами могли вернуться, слезы застилают глаза. Но она, как будто, не в обиде. Обнимает, шепчет, что все хорошо. Я плачу уже в голос. Она шепчет: «Ну, не плачь, Сайчик, все пройдет, и это тоже». Постепенно успокаиваюсь и засыпаю.

И снится мне сцена из нашего прошлого, как однажды с другом мы спьяну уронили шкаф-пенал на двойное окно кухни, и как осколки стекла с девятого этажа полетели вниз. И покорежили бампер инвалидной машины соседа. И он вызвал ментов, и те вскоре примчались. И выволокли меня, босого, за шкирку в подъезд. И как в ту же секунду ровно между мной и жирным амбалом-ментом вдруг выросла моя маленькая Машенька. И как она на весь подъезд закричала: «Убери руки, скотина!» И как он, оторвавшись от меня, попятился к лифту, и потом смущенно перед нею извинялся...

На утро, проснувшись, я выхожу на кухню, где у Маши на сковороде уже что-то скворчит. Она, еле слышно: «С добрым утром». Я что-то бормочу в ответ. Мы завтракаем. Потом огромный летний день, ее и мой выходной, проводим вместе. Катаемся в парке на детских каруселях, а между делом рассказываю про свой сон. И спрашиваю, что бы она сделала, если тот мент свои ручищи не разжал. Маша, грустно улыбаясь, молчит.

Вечером – мы вновь в ее квартире и по-прежнему наедине. И я уже надеюсь, что так отныне будет всегда. Она включает ночник, ложимся на кровать. Обнимаю ее сзади: теперь-то уж все у меня получится. Но тут она отстраняется и садится: «Не надо... Больше этого не надо. Никогда...» Я медленно одеваюсь и иду в коридор. Теперь уже не до слез. Обуваюсь и выхожу в подъезд, захлопнув за собой дверь. Еще пару минут стою и прислушиваюсь – Маша к ней так и не подходит.

Почему новая близость между нами закончилась, едва начавшись, – для меня так и осталось загадкой. Возможно, она в ту ночь поняла, что все наши встречи последнего времени – лишь игра в надежде вернуть то, чего между нами уже нет. А значит, и пытаться не стоит.

Спустя полгода, я провожаю в ташкентском аэропорту Марьям и Ису. «Ну, что ты, – говорит она. – Все образуется. Мы скоро обязательно приедем в гости. Или ты – к нам. Главное – больше не плачь». «Я и не плачу, – отвечаю, – Отныне – никогда». Но я уже знаю, что больше их не увижу.

Так и происходит: какое-то время мы общаемся через интернет, но спустя пару месяцев она бесследно исчезает где-то на просторах Донбасса или Крыма. А он... К тридцати трем годам, по слухам, вырастает в умного, сильного мужчину. Затем отправляется то ли в Вифлеем, то ли в Иерусалим. И там его пути теряются. Возможно, он достиг чего-нибудь стоящего. А может, и нет. Но я верю, что однажды встречусь с ним вновь, обниму и пожалею. Или он меня. Когда-нибудь.

Edakrysen

Невзирая на все возможные предположения, бабуля умерла. Как только это произошло, вечером, мама позвонила Алику и сообщила о несчастье. Он пришел тут же, благо жил в соседнем доме. Уже находившийся здесь племянник дал ему таблетку чего-то успокаивающего, решив, что дядя тряслся от горя. Оно отсутствовало.

А было похмелье и воспоминание о словах мамы, что бабуля «всех нас переживет».

И вот на следующий день, часа через три после похорон, самые близкие родственники, человек семь, сидят за столом в зале большой квартиры.

- Выходит, раз я самая младшая, мне всех вас хоронить? – неожиданно восклицает двадцатилетняя двоюродная сестренка Алика Саодат.

- Ну да, наверное, – немного поразмыслив, говорит ее старшая сестра Умида. – Я старше тебя аж на пять лет, значит, умру раньше.

- Но сперва похороните меня, – говорит пожившая дольше всех сестер Ульгиз.

- А раньше всех нас умрут наши родители! – подытоживает невеселую тему Саодат.

Родственники, выпотрошенные до основания неожиданными-ожидаемыми похоронами, прежде чем разойтись по своим домам, опустошают уже в который раз последний чайник. Вроде, обо всем многократно переговорено, и тут – эта поднятая внучками покойной тема будущих смертей. На первый взгляд, неуместная. Однако никого из собеседников она почему-то не смущает, наоборот, почти все, как будто даже с удовольствием, тут же в нее включаются.

– Не дождется – я умру раньше вас! И тогда вы все будете меня хоронить... и плакать.

- Ну и где тебя хоронить? И плакать – где?

- Ну, в могиле отца...

- Так он еще жив...

- Ну, в могиле матери...

- Так она же не мусульманка и лежит на христианском кладбище.

- Ну, где-нибудь... Не важно.

- Как это где-нибудь? Ты мусульманка или кто?

- Я – мусульманка... Ну, значит, в дедулиной могиле.

- А там раньше меня похоронят.
- Значит, потеснишься...
- Что значит – потеснишься? Там и так забронированного места мало!
- Так дедуля ведь не жадный...

Тут всех присутствующих одолевает смех, включая молча наблюдающих за этой сценой отцов и матерей. Причем, видимо, из-за накопившейся усталости все смеются в голос, до неприличия громко, наверное, на всю квартиру и даже дом. В одно мгновение все вдруг понимают, что их могут услышать соседи – позору не оберешься. Тотчас замолкают. Тишина длится, возможно, целую минуту.

И вдруг самая младшая сестренка Алика, вероятно, поняв весь абсурд происходящего, начинает плакать. Не громко, а как бы делясь на плече у бабули своей самой сокровенной болью. Ведь ее, бабули, нет, нет. И более никогда она не заплачет от того, что когда-то семилетняя внучка ушла со старшими братьями на реку и пропала на три часа, и, возможно, утонула.

Тут ей начинает вторить ее сестра постарше. Видимо, оттого что больше никогда бабуля на поругает ее за то, что она без спросу залезла в ее комод и выкрадла из вазы, припрятанной там «на похороны», насколько леденцов.

Через секунду к ней присоединяется и самая старшая сестра Алика. Наверное, осознав, что теперь ей некому будет положить голову на колени после того, как ее отругали за какую-то мелочь родители.

Плачут и они, но совсем не слышно, как будто внутрь себя, поняв до конца, что мамы, их любимой и единственной мамы теперь нет, и уже не будет никогда. И смутно догадываясь, что боль эта вовек не утихнет. Даже когда и они перейдут через эту призрачную черту.

Кто-то третий

Т.М.

Осенней ночью я стою на углу улиц Педагогическая и Леваневского, что неподалеку от хореографического училища, и ловлю такси. Останавливается потрепанная, допотопная «Волга», а в ее получьме за рулем – девушка лет двадцати. Называю свой домашний адрес – обувная фабрика, улица Танкистов, дом три. Она кивком соглашается. Едем. Молчим.

Тут вспоминаю, что таксистка, во всяком случае, на первый взгляд, показалась мне весьма привлекательной. Как всегда в подобных случаях, начинаю оглядываться по сторонам, якобы пытаясь определить наше нынешнее местонахождение, и вскользь пробегаю взглядом по ее фигуре. И тут вдруг ясно осознаю, что это – Таня. Из Одессы!

С нею я познакомился минувшим летом и начал ежедневно встречаться. Однажды, приехав на пригородный пляж, будучи подшофе, не снимая одежду, мы зашли в воду и окунулись с головой. Как потом выяснилось, со всем, что было на нас: сумками, телефонами и документами. А несколькими часами позже уже в вечерней получьме, пьяные, поддерживая друг друга за талии, бродили по заброшенному санаторному парку.

Затем, споткнувшись о сплетенную упругими ветвями молодых деревьев корзинку, поочередно упали, чуть ли не друг на друга. И тут заметили огромную, явно спешащую к своим деткам, ежиуху-мать, которую едва не раздавили. После чего, как бы в свое извинение, я пытался напоить ее сладким вином из ладони. А Таня, возможно, из-за чуть не случившейся трагедии вдруг разрыдалась, и была безутешна, как пятилетний ребенок. И я отпаивал ее минералкой, пока она, наконец, успокоившись, не сникла и тотчас уснула, уткнувшись мокрым носиком мне в живот. Обняв девушку, я пристроился рядом на теплой и влажной траве и тоже отключился. И приснилось мне чем-то похожее на наше с ежиухой приключение, произошедшее со мною в детстве.

Тогда пятнадцатилетним подростком я с братом и мамой приехали отдохнуть к горному озеру Иссык-Куль. В траве у дома, который мы арендовали, в первый же день нашел маленького ежика. Забрал его к нам в комнату, поселил в обувную коробку и начал откармливать яблоками. Как мне казалось, мы с первого взгляда друг друга полюбили. Возможно, он решил, что я его мама. Потому что на пляже, куда я всегда брал ежика с собой, он никогда на песке не отходил от меня ни на шаг. А если я отодвигал его от себя, тут же бежал ко мне и утыкался мокрым носиком мне в живот.

Спустя пару недель, настало время нашего возвращения домой. Забрать ежа с собой мы не могли – на этом настояла мама, сказав, что на Иссык-Куле его родина. И он по ней непременно затоскует. Тем более, что, возможно, в траве, где я с ним познакомился, живет его настоящая мать. И вот утром, перед самым отъездом на автовокзал, ежика в коробке не оказалось. Дверь на ночь мы всегда запирали, поэтому через нее он сбежать не мог. Да и вообще, как он выбрался из коробки? Мы обыскали всю комнату, но ежа не было нигде.

Все дни пребывания на курорте мы с братом спали на одной большой тахте, я – у стенки. И вот, убирая нашу постель, мама обнаружила ежика в самом углу моего пододеяльника. Как он взобрался на высокую кровать, перелез через моего брата и оказался рядом со мной, так и осталось для нас загадкой. Мой лучший друг, даже почти сын, был мертв, и на его приплюснутом носике виднелась засохшая капелька крови. Вероятно, я, ворочаясь во сне, его попросту раздавил...

Итак, прошлым сумасшедшим летом в Одессе мы с Таней под утро проснулись в заброшенном парке. Тут я вспомнил, что на вечер того же дня у меня билет в Ташкент. Какая досадная неожиданность! Хотя вот именно так со мной происходит постоянно: кажется, только вчера приехал, выпил, закусил, и уже уезжать... Расставаясь на перроне вокзала, мы договорились, что через год обязательно встретимся вновь. А пока – письма, письма, письма.

Теперь же, сидя в полуночном такси, я, изумленный, говорю: «Таня, это ты?» Она совершенно спокойно: «Да, а кто же еще?»

Понимая, что в реальности так быть не может, догадываюсь: «Ты мне снишься. Это – сон!» Она, безмятежно продолжая смотреть на дорогу: «Конечно, сон. И я тоже сплю».

Ну, разумеется, все это мне привиделось: и мое ночное голосование на пересечении улиц, названия которых давно уже иные, да и моя улица почти тридцать лет как переименована, и эта двадцать первая «Волга», которую сейчас можно увидеть лишь в техно-музее, и Таня, невесть как заехавшая на ней в Ташкент.

- Так вот, в этом... сне... я тебя... по-прежнему люблю, - тщательно выбираю слова.

- Да, знаю.

- Откуда?

- Ну, так ведь и я тебя люблю – иначе и не бывает.

В этот момент мы подъезжаем к моему дому, и я говорю: «Вот здесь». И на всякий пожарный: «Сколько с меня?» Таня с еле заметной усмешкой: «Рубль». Протягиваю ей купюру, и она медленно рвет ее пополам. И одну из половинок отдает мне. Я тоже усмехаюсь: «Это типа затем, чтобы в будущем в Одессе по этим половинкам мы друг друга узнали?» Молча улыбается в ответ. «Может, взбодримся, - говорю, - легким вином?» Девушка пожимает плечами: «Почему бы и нет».

Заходим в квартиру, затем, разувшись, в кухню. Достаю из холодильника початую бутылку вина, разливаю его по бокалам, и мы, не чокаясь, выпиваем. Потом веду ее за руку в спальню и там начинаю раздевать. Она слегка дрожит, как перед погружением с головой в одесское море. Вдруг в темноте чувствую на своих руках, расстегивающих пуговицы на ее платье, капельное щекотание. «Что с тобой, почему ты плачешь? - бережно прижимаю ее к себе. – Мы ведь так любим друг друга». Таня не отвечает, и ее плач переходит в рыдание. Уже голую целую ее везде, ловлю соленые губы, но она не успокаивается.

И я понимаю, что это по причине, оставшейся за рамками сна, из лета: я первый, кто ее так целует. И почему я тогда неожиданно уехал, а мы ведь ни о чем толком не поговорили, а потом не отвечал на ее письма?.. И вот сейчас она, вероятно, хочет моих поцелуев,

но слезам противиться не в силах. Хотя, возможно, я и не прав, и причина кроется совершенно в другом, мне, а скорее, нам обоим неведомом. Оторвавшись от Тани, я, спотыкаясь о какие-то чемоданы, бегу на кухню и также бегом возвращаюсь с минералкой. Медленно, дабы не пролить, из горлышка бутылки пою ее, и она постепенно успокаивается. Некоторое время спустя, мы в объятиях засыпаем.

Проснувшись под утро, обнаруживаю, что Таня, как это ни странно, по-прежнему рядом. Плавно, чтобы не разбудить, вытеваю из ее объятий и, крадучись на цыпочках, голый выхожу из спальни. Никаких чемоданов нигде не видно. Наоборот, в комнатах во всем идеальный семейный порядок. Захожу на кухню, спешно закуриваю и тут замечаю на столе, меж пустых бокалов, две половинки рублевой купюры, соединенные вместе... Слышу сзади ее осторожные шаги. И вот уже она робко, будто боясь вспугнуть, обнимает меня сзади. Я, поворачиваясь к ней:

- Проснулась?
- А разве я засыпала?
- Значит, все это не было сном?..

Она молчит...

- И, стало быть, мы теперь всегда будем вместе?

Таня, еле заметно улыбаясь, с нежностью смотрит мне в глаза. Опускаюсь на колени и обнимаю ее обнаженный живот. Прижимаюсь к нему ухом и слышу, как где-то там, в глубине, а может быть, на расстоянии нескольких тысяч километров, в Одессе, уже созревает и теплится чья-то новая и счастливая жизнь...

Одесса - Таикент, 2018 г.

Рассказ

«Просто мы, наверное, любовью будем заниматься, а мне бы этого пока не хотелось», - так она ответила на мой вопрос, что случилось, не обиделась ли на меня. Но девушка, к счастью, не глядела в мою сторону обиженно и не выглядела чем-то возмущенной, как я поначалу предположил. Когда она неожиданно вскочила со своего табурета в трактире и выбежала на улицу, а я недоуменно бросился за нею следом. Она уныло улыбалась, то есть, ее выражение лица больше походило не на радость, а стеснение. При этом смотрела не прямо в глаза, а в сторону. И более всего меня поразило в ее ответе то, как она его сформулировала. Не сказала, к примеру, переспим или, на худой конец, трахнемся. Или более традиционно для недавнего знакомства – «займемся любовью». Нет, именно «будем заниматься», где ключевое слово «будем». Как будто для нее это равносильно книжным постулатам: «быть или не быть», или «что делать?»

Но нужно было как-то вернуть ее в кафе, куда мы за минуту до этого зашли, причем, по ее инициативе. Из чего я заключил, что она хочет есть. И которое я обозвал трактиром. Так и сказал: «Мне это кафе напоминает трактир». И вот после этих слов она вскочила и выскользнула на улицу. А там неожиданно рядом с нею оказался мальчик лет пяти, которого она теперь силой ввлекла за собой. Он-то откуда взялся?

Но вслух я этого не произнес, а спросил: «Мне вот интересно, какое в твоем ответе слово главное: любовью или заниматься?» Надо же было чем-то поинтересоваться, чтобы вернуть ее в кафе. И тут же подумал, что действительно любопытно, какое, и как она ответит. Но, сам смутившись словом «любовь», тотчас ответил за нее: «Наверное, заниматься. Правда?» Ведь должны же мы будем чем-то заняться, когда придем ко мне домой.

А то, что мы сегодня же отправимся ко мне в гости, было почти решено. Во всяком случае, я так подумал, когда перед тем, как зайти в кафе, предложил ей это. А она не ответила отказом, а лишь спросила, что там интересного. И я заявил, что моя квартира похожа на картинную галерею. Подобно почти безотказной для близо-

сти формуле из известного фильма: «У меня есть прекрасная коллекция лютневой музыки шестнадцатого века». И увидел, что эта реклама равнодушной ее не оставила. После того, как она сказала: «Это смотря, какие художники у тебя там висят». А я, конечно же, ввернул, что только самые знаменитые, дескать, фуфла не держим. Причем, их древние работы подарены мне с авторскими посвящениями – это уже из другой, не менее популярной, кинокартини. И тут же по ее новой улыбке увидел, что она разгадала мою шутку. Вернее, не мою, а Мюнхгаузена. И подумал: «Неужели я ее уже люблю?»

Ну, а разве могло быть иначе, если мы смотрим и даже, как мне показалось, дышим в одном направлении? Не хотелось думать, что это примитивная влюблённость, которая вполне может вскоре заахнуть, так ни во что стоящее не перевоплотившись. Вдруг это действительно любовь, в которую мне уже давно хотелось окунуться вновь и выкупаться в ней сполна?..

Все вышеописанное мне приснилось сегодня днем, когда я прилег с книжкой, давно ожидавшей своей участи. Но вскоре, как это со мной часто случается, всего-то на полчаса скатился в забытье. А вернувшись в себя реального, тут же пожалел, что не удалось прожить эту чудесную историю до конца. Хотя бы еще на несколько часов после нашего знакомства. Ведь она вполне могла преподнести мне еще столько заманчивого! Например, мы могли не возвращаться в кафе, а, закупив всяких вкусностей, действительно отправиться ко мне домой. И я бы робко, как в юности, держал ее за руку, а она ее у меня не отнимала. И, только переступив порог, обнял ее, прижал к себе и уже не отпускал – до утра. И потом мы вместе жили долго-долго и, как в той зачитанной в детстве книге, умерли непременно в один день. А для этого мой сон не завершился бы никогда...

И вот, так нелепо проснувшись, я тут же сел записывать этот рассказ. Пока увиденное не испарилось, что всегда происходит спустя несколько минут. А для его завершенности необходимо придумать начало – как мы с нею познакомились. Например, наша встреча произошла и впрямь всего за несколько минут до захода в кафе. Для пущей романтичности она стояла на мосту через одну

из рек, скажем, в Петербурге. Тогда пусть это будет Египетский мост через Фонтанку. И девушка, нет, женщина лет тридцати пяти разглядывала один из его сфинксов.

Остановившись неподалеку, я сразу оценил хрупкую фигуру одиноко стоящей женщины, ее тонкое лицо и длинные каштановые волосы, перетянутые на лбу тесьмой. И взгляд – строгий, пытливый, как, наверное, и должно рассматриваться в произведение искусства. Почувствовав мое внимание, она посмотрела на меня и широко, открыто улыбнулась. Я ответил ей тем же и банально спросил, откуда она – такая необыкновенная? Конечно же, из Одессы – пусть будет традиционно для меня именно этот город. В общем, неожиданно легко разговорились, поэтому мне захотелось продолжить это приятное знакомство. И тут она первая предложила зайти в какое-нибудь кафе неподалеку – выпить по чашке мате. Ну или по рюмке текилы, добавил я.

Короче, с этим все понятно. Но откуда возник тот пятилетний мальчионка, которого она после кафе тащила за руку, и куда он делся потом? А может, мальчика-то и не было? Или это не его, а меня, своего сына, упирающегося и шмыгающего носом ребенка, молодая, красивая женщина тянула за собой – в будущее, в неизвестность? Туда, откуда никто и никогда назад не вернулся... Во всяком случае, я таких не встречал.

2023 г.

Счастье

О.П.

- Главное – не напороться на мужа. Он работает здесь неподалеку, и я не хочу лишних проблем. И учи – времени у нас очень немного. Было бы больше, если бы ты не опоздал. И вообще, как ты мог опоздать?

Мы сидим на скамейке в одесском Горсаду, встретившись спустя почти тридцать лет после нашего последнего свидания. Когда оба были юны, и казалось, что впереди – огромная и обязательно счастливая жизнь. Хотя и порознь, вдалеке друг от друга. Потому что ты собирались замуж, и увы – не за меня. И виной тому – несокрушимые обстоятельства, которые встали тогда между нами. А я был бессилен что-либо изменить, потому что ты уже с ними смирилась, выбрав волю своих стареющих родителей. Более того, их волю приняла за свою собственную. И с воодушевлением принялась шить свадебное платье. Искренно веря, что вместе с его белизной вновь обретешь невинность – как гарант будущей успешности и уверенности в завтрашнем дне. А там и до еще одного счастья рукой подать. Ведь неизвестно, сколько каждому из нас этих счастий свыше отмерено. Вдруг не одно, а хотя бы парочка.

Мне же вполне хватило бы и одного – того самого, в которое мы вместе когда-то оказались погружены без остатка. В том летнем Петербурге, на Невском проспекте, где впервые увидели друг друга. Ты меня с гитарой, а я тебя с блок-флейтой. Когда мы, неожиданно осознав, что играем одну и ту же рок-балладу, тотчас приkleились – руками, ногами, губами и сердцами –казалось, не оторвать. И затем отправились в совместное путешествие по этому городу, его бесчисленным проточным рекам-закоулкам. А уже через неделю – автостопом в Одессу. И да, ты тогда не на шутку переживала, что твои родители тебя потеряют. Но я-то убедил тебя, что все это пустяки, дело житейское. И из их поля зрения ты пропадешь максимум на пару дней, пока мы не достигнем твоего города. И ты мне поверила, потому что не умела не верить – слепо и безоговорочно. Хотя путешествие наше непредсказуемо растя-

нулось вдвое больше ожидаемого, и твои родичи в Одессе все это время сходили с ума в безвестности. И потом, когда мы, наконец, достигли отчей гавани, твоя бабушка, исчерпав к тому моменту весь свой старческий слезный запас, молча обхватила твою голову и прижала к своему мокрому переднику. Чтобы более уже никогда не отпускать. И ты, приняв от нее эстафету раскаяния и опустошеннности, все повторяла: «Прости меня, баб, прости, больше я так не буду, больше тебя не оставлю».

В итоге ты сдержала свое обещание, уступив навязчивым ухаживаниям мальчика из дружественной для твоих родителей семьи. Да и я ненадолго задержался в женихах, найдя в своем городе тот самый клин, которым известно, что выбивают. И, вторя тебе, завел-закрутил волчок еще одной жизни – с новыми надеждами, радостями, печалями и, черт возьми, любовями.

Но, в очередной раз растеряв все нажитое и намоленное, вернулся в твой город, где, благодаря интернету, очень быстро нашел твои контакты. Затем списался с тобой и договорился о встрече. Ты не сразу решилась на нее, потому что никак не могла взять в толк, к чему она тебе спустя столько лет. Когда у тебя и так все хорошо: все тот же муж – на месте, и счастье – по-прежнему где-то рядом. Но затем все-таки дала себя уговорить: «В конце концов, что тут такого страшного? Встретимся, пообщаемся, как старые добрые друзья, и все на этом».

И вот мы – двое постаревших, растолстевших былых любовников – вновь, как когда-то, сидим на лавочке в Горсаду. И я, задав всего один вопрос – «Как жизнь?», последующие полчаса, что ты отмерила на нашу встречу, слушаю твой отнюдь не веселый монолог.

– ...Все бы ничего, но вот дочь наша пару лет назад задала нам перцу. Познакомилась в интернете с каким-то обормотом из Израиля и сбежала к нему. Да еще как – не самолетом, а автостопом. Ты и представить себе не можешь, что мы за этот ее трип натерпелись, сколько я слез потратила! И она ведь ни у кого разрешения не спрашивала – просто оставила скромную записку, мол, уехала к любимому человеку, не знаю, когда вернусь и вернусь ли вообще, с дороги напишу или позовю. А потом так и не объявилась, и

мы с неделю не знали, что и думать. При этом бросила здешний университет и осталась без профессии. Чем они там теперь живут, толком непонятно. Он вроде работает на какой-то стройке, а она плетет фенечки и их продает – хиппи недоделанные! Замуж за него вышла, гражданство получила. Вот пусть теперь в армии послужит, может, поймет, наконец, чего лишилась. Возможно, мы были бы и не против, если бы она привезла его в Одессу, по-людски познакомила с нами, здесь женились и жили – места у нас всем хватит. Так ведь нет – войны ей захотелось. Пускай теперь там и повоюет, глядишь, и остынет.

А так у нас все хорошо. Я преподаю в гимназии, до завуча доросла. Предлагают директором, но я отказываюсь – все-таки это должность административная, а я детей хочу учить. Чтобы подрастали умными и не думали сбегать из дома. Муж работает в автомастерской, зарабатывает неплохо. Нет, из Одессы никуда не выезжаем – чего по заграницам шляться? Лучше лишний раз отложить. Ну и что ты усмехаешься? Да, отложить, и у нас уже прилично поднакопилось – на старость, думаю, хватит. А что ты думаешь, старость, болезни далеко? Знаешь, как сейчас дорого лечиться? И всей пенсии не хватит. И нечего смеяться – да, я уже думаю о пенсии, недолго до нее осталось. О похоронных тоже надо уже думать – потом никто не приедет, не похоронит. И тебе тоже не помешает. Или ты собрался жить вечно?..

Хотелось сказать ей, что какая на фиг пенсия! Что до сих пор помню залитый водой Питер и наши заплывы по тем бесконечным рекам. Что, как и прежде, цепенею, когда вижу, даже не реальные, а макеты парусников за стеклами витрин сувенирных магазинов. И все еще тешу себя мечтой – однажды пуститься в кругосветку, как мы вместе когда-то загадали... Не сказал. Молча дослушал ее безрадостный рассказ, пока она не поднялась со своего места: «Ну, все, пока. И не вздумай меня провожать – нам же не нужно никаких неожиданностей?» И зашагала к выходу из Горсада. Пройдя несколько метров, все же оглянулась, и я впервые за эту встречу увидел на ее озабоченном лице подобие улыбки.

«Тебе больше никогда не скакать верхом, Алан», - вспомнилась концовка одной грустной пьесы. Что ж, прощай. Вероятно, в этой жизни больше не увидимся. Может быть, однажды в следующей, когда мы вновь будем юными и безбашенными, и опять сбежим из своих комфортных квартир. И пути наши снова пересекутся где-нибудь на Невском проспекте. Но теперь-то мы уже точно не расстанемся никогда. Чтобы вместе встретить непременно счастливый конец...

2025 г.

Чудо

Поразительное дело – увидеть, спустя без малого тридцать лет, человека, которого все эти годы считал умершим! А дело был так. Смотрю я однажды с пятого этажа через окно подъезда высотного дома на свою разношерстную «бродвейскую» компанию. И размышляю: спуститься, подойти к ним или все-таки вновь – не в этот раз. А среди них – Нэйд! Тот самый, что, по еще тогдашним слухам, сперва тронулся умом, а затем умер. Точнее, покончил с собой. И вот он стоит среди всех этих по-прежнему любимых, хотя и отдалившись от меня друзей – живой и даже, возможно, вполне здоровый. Как же его звали на самом-то деле? Возможно, никто, кроме его старшего брата Бека, который предпочитал, чтобы все его звали по паспортному имени Джасур, этого никогда и не знал.

Интересно, почему его прозвали Нэйд, что означает данное прозвище? Как известно, на сленге геймеров это словечко переводится как осколочная граната. Хотя во времена нашей юности никто и не подозревал о существовании где-то за границей компьютеров и во всякие «стрелялки» тем более не играл.

Между тем, почти у всех остальных ребят и девчат из нашей туловки водились подобные прозвища. При этом их настоящие имена были более-менее известны. Вот там внизу среди прочих стоят археологи Пол с Полой. Хотя все знают, что они Паша и Женя. Вон на обочине дороги покуривает программист Боб, он же Леша. Его под руку держит математик Чебурашка, на самом деле Юля. А сигарету у нее «стреляет» художница Хельга – она же Оля. Неподалеку, прислонившись к «глазастому» тополю, как всегда, от чего-то грустит лошадница Мага. Свое прозвище она получила за внутреннюю схожесть с героиней самого известного романа Кортасара, а своими родителями названа Машей. Рядом с нею пьет воду из пивной бутылки музыкант Фара, он же Фархад. Откуда я знаю, что непременно воду? Да потому что сам его однажды наутил тому, что, если за всегдашним отсутствием денег в летний зной налить из крана в пивную тару ледяной воды и представить, что это пиво, то первые пару глотков она таковым и покажется. Ну

а я – бывший хиппи, а теперь журналист Сид, но всем известно, что настоящее мое имя Сайд.

Стоп, среди этой компании почти затерялся еще и переводчик Миша, никогда не имевший прозвища. Впрочем, фамилия его – Сиверский – была не настоящей, вернее, не совсем его. Кажется, из всей компании только мне одному было известно, что фамилию эту он унаследовал от своих приемных родителей. Тот самый Миша, что от сердечного приступа пару лет назад внезапно скончался! И вот он – тоже почему-то жив и, кажется, вполне здоров.

А я все еще стою и размышляю, спускаться ли ко всем ним с моего пятого этажа! Да какие на фиг разногласия и недопонимания, если всех их по-прежнему люблю? Пусть даже и поделила нас ровно пополам эта чертова война, которая, по ощущениям, длится уже тысячу лет. Ну, уж сто лет одиночества точно. Разомкнула точь-в-точь, как век с хвостиком назад, отдалила, тоже чудилось, навсегда близких друзей и даже родственников «та единственная гражданская». И вот половина нашей слишком уж заумной компании оказалась на стороне добра, а вторая половина – зла. Которое привнес в этот и без того разобщенный мир тот самый ненастытный патриарх, что, видимо, будет здравствовать всегда. В отличие от тех двоих, что именно сейчас, почему-то живехонькие, стоят там – за пуленепробиваемым стеклом. И я все еще колеблюсь, снизойти ли до них или все же обождать, когда бойня, наконец, закончится. Да нет, конечно же, сойду. Ведь неизвестно, в каком лагере они оказались, если бы на самом деле дожили до этого вселенского позора. И потом, просто позарез необходимо выяснить, каким образом мертвецы ожили.

И вот я вижу, что группа моих друзей внизу делится на две части, которые расходятся в разные стороны. При этом Нэйд и Миша – в противоположных направлениях. На всех парах бегу вниз и от порога подъезда, раскрыв руки для объятий, кричу им приказным тоном: «Стоять! Все назад!» Друзья останавливаются и затем с улыбками идут мне навстречу.

– Ребята, вы-то как здесь? – вновь кричу бывшим покойникам.

– Сид, родной, привет! – улыбается Миша. – Да жив я – тебя обманули! Ты же не был в Ташкенте, когда это произошло. И тебе

написал мой двоюродный брат Герман. Так вот, он всех тогда на-колол, желая заполучить мою квартиру! А я перед этим познакомился в интернете с прекрасной женщиной, влюбился и уехал к ней на Дальний Восток. А теперь вот вернулся – вас повидать. И ее привез – с вами познакомить. Кстати, за все это время ты так и не удосужился навестить мою могилу...

В тот же момент ко мне приближается и Нэйд, который, как и все, улыбается, но как-то растерянно. Видно, что он меня не узнает.

- Извините, - говорит, - а вы кто?

- Да Нэйд никого из нас не узнал. Представляешь? – грустно восклицает Пола. – Он проходил по улице мимо, и я его остановила.

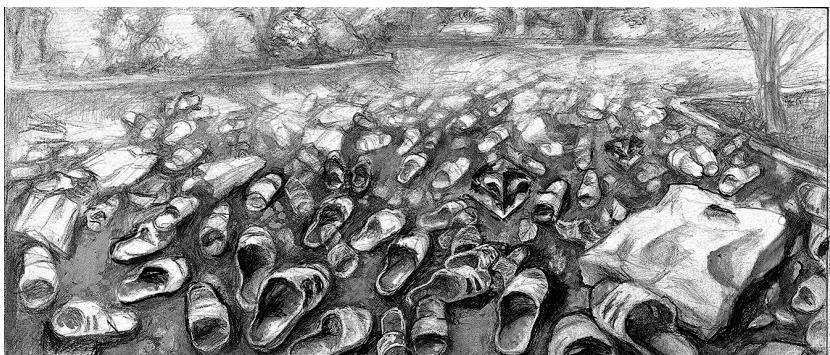
Тут появляется запыхавшийся от бега Джасур.

- Вот ты где! – выдыхает он в сторону Нэйда. А затем всем нам объясняет, что его младший брат сбежал из-под маминого надзора. Все эти годы он, больной на голову, жил под присмотром их семьи, которая, желая оградить от насмешек окружающих, укрывала его от всех и вся.

- Да, главная новость: война закончилась! – с ликованием продолжает Бек. – Только что по всем новостным каналам передали – стороны подписали соглашение о перемирии!

- Ну, вот и все, - с облегчением вырывается у меня. Я обнимаю покорного и, как мне кажется, примирившегося со всем происходящим вокруг Нэйда.

«Перемирие – это по любому хорошо, - думаю про себя, изо всех сил прижимая старого друга к груди, и, чтобы скрыть слезы, уткнувшись ему в плечо. – Главное, убивать и калечить перестанут. Заново отстроят города и села, а там, глядишь, и наступит окончательный мир. Однажды это случится и на всем белом свете. И ты когда-нибудь всех нас вспомнишь. А нет, так узнаешь заново. И непременно полюбишь вновь. Потому что не любить эту жизнь невозможно...»

Саид ЯНЫШЕВ

Америка№

Повесть и рассказы

Рисунки

Владимир Скрипник

Редактор

Дильбар Абдурахимова

Корректор

Лилия Кильдиярова

Верстка

Константин Агафонов

Издательство выражает благодарность
Ольге Чеховой (Olga Czechowa)
за неоценимую помощь в создании книги.

Подписано в печать: 16.09.2025.

Печать офсетная. Гарнитура «Times»

Формат 60x84_{1/16} Усл. печ. л. 6. Тираж 100 экз.

Издательство «Штрих-Код»

100115, Ташкент, Чиланзар-2, ул. Арнасай, 33-41.

sidushka@gmail.com

Отпечатано в типографии «СинДиккат»

100000, Ташкент, туп. Чоули, 8.